

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 5 *Николай Ф. Алефиренко*: Фразеология и языковая игра
Phraseology and Language Game
- 20 *Ольга Геращенко*: Риси періодичного стилю
в житомирському списку літопису Григорія Граб'янки
The Characteristics of Periodic Style in the Zhytomyr
Redaction of Hryhory Hrubyanka's Chronicle
- 29 *Mária Kiššová*: Ruská literatúra a kultúra v časopise
The Little Review II
Russian Literature and Culture in the Journal *The Little Review II*

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 46 Соколова, Я. – Корина, Н.: Человек – Язык – Дискурс. Очерки
об ориентации в пространстве языка и речи
(*Елена Калечиц*)
- 49 Кулікович У. І.: Тэарэтычныя і практычныя праблемы
беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі (*Вікторыя Ляшук*)
- 54 Žilková, M.: Intertextuálne a intermediálne interpretácie
(*Mariana Čechová*)
- 58 Sokolová, M. – Vojteková, M. – Mirosławska, W. – Kysel'ová, M.:
Slovenčina a poľština. Synchrónne porovnanie s cvičeniami
(*Jana Sokolová*)
- 61 Калечиц, Е. И. – Пулчар, В. – Галло, Я: Слово к слову...
(*Viktória Haláková – Zuzana Vargová*)

63 MENNÝ REGISTER / INDEX OF NAMES

65 AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Николай Алефиренко

PHRASEOLOGY AND LANGUAGE GAME

Abstract: The research focuses on the cognitive discourse mechanisms of the formation and use of idioms. One should distinguish between phraseological game-units according to their a) form, b) content, c) form and content. As the main means of phraseological casuistry we consider a) cognitive discourse metaphor, b) configuration casuistry, c) amplification of cognitive basis and d) discursive allusion.

Key words: phraseology, casuistry, cognitive discourse mechanisms.

Языковая игра, как известно, – феномен постмодернистской лингвистики. Однако его психосемантические механизмы находились в фокусе исследовательского внимания учёных разных научных школ: З. Фрейда (1989), рассматривающего языковую игру как стимулятор развития языка и закрепления в нём новых форм, Й. Хейзинги (1992), выдающегося нидерландского историка и культуролога, оставившего в классической работе *Homo ludens. Человек играющий* (1997) основополагающие суждения о всеобъемлющей сущности феномена игры и универсальном значении её в человеческой цивилизации, А. Вежбицкой (1997), М. М. Бахтина (1976) и др. Сам же термин «языковая игра» в его лингвофилософском понимании был введён Л. Витгенштейном в его ставших популярными среди гуманитариев *Философских исследованиях* (1985). Согласно поздним взглядам Витгенштейна, понятие языковой игры служит для обозначения целостных и законченных систем коммуникации, подчиняющихся своим внутренним правилам и соглашениям, нарушение которых означает выход за пределы конкретной «игры». Согласно концепции Л. Витгенштейна, понятие языковой игры можно интерпретировать, по крайней мере, в трёх аспектах. Первый из них носит лингводидактическую направленность, поскольку под языковой игрой понимаются некие исходные речевые структуры, которые используются для начального обучения языку путём *включения учащихся в определённые виды деятельности*. Второй аспект напоминает речепорождающие механизмы, которые так увлекли Н. Хомского и его учеников. Языковые игры здесь рассматриваются как упрощённые, *идеализированные*

модели употребления слов. Их целенаправленное усложнение отображает динамику языковой системы. Третий аспект языковой игры можно назвать социокультурным, поскольку он отражает потенциальную вариативность и гибкость дискурсивного сознания, интегрирующего в себе знаковую и предметную деятельность человека. Именно интеграцию этих двух факторов человеческой деятельности Л. Витгенштейн и назвал языковой игрой.

Речемыслительной средой развития динамичной языковой игры является дискурс, под которым я понимаю речемыслительный субстрат, порождающий такие известные из лингвопоэтики категории, как текст, подтекст и свертхтекст и их лингвокультурологические корреляты, обобщённые Ю. М. Лотманом (Лотман, 1998, с. 14).

Мы исходим из того, что языковая игра как разновидность лингвокреативной деятельности – природное свойство человеческого сознания, использующего для этого различные когнитивно-дискурсивные механизмы, обеспечивающие порождение и функционирование в речи знаков косвенно-производной номинации. Среди них наиболее ёмкими с точки зрения когнитивности и эффектными с точки зрения дискурсии являются фраземы. Наиболее значимыми аспектами воздействия языковой игры на жизнь фразематики являются (а) механизмы порождения фразем на базе лексической многозначности, омонимии, деформации паремий, рифмования, языкового контраста и противопоставления и др. и (б) когнитивно-дискурсивные факторы использования фразем в речи. Оба аспекта – изначальные свойства человеческого сознания. Фразематика – древнейший продукт языковой игры, хотя фраземодеривация – процесс вечный и ныне продолжает, играя языковой комбинаторикой, обогащать экспрессивно-образную подсистему языка всё новыми единицами. Фраземы – пожалуй, древнейшие дериваты языковой игры, поскольку само восприятие жизни как игры присуще человеческому сознанию издревле. «Что наша жизнь? Игра! Добро и зло – одни мечты! Труд, честность – сказки для бабья. Кто прав, кто счастлив?». Выражение А. С. Пушкина, вложенное им в уста Германа и известное из оперы П. И. Чайковского *Пиковая дама*. Это не Шекспир, это гибрид из Шекспира и Пушкина. «Что наша жизнь – игра», – это сказал Пушкин. «Вся наша жизнь – игра, а человек в ней – актёр». Так говаривал В. Шекспир, и не зря. Социум весь пронизан игрой. Набор впечатлений, пережитых эмоций, шоков, восторгов – вот неотъемлемый итог жизненной игры, счёту и учёту неподвластный... Это тот когнитивно-дискурсивный фактор, благодаря которому в результате фразеологической игры значение данного выражения приобретает достаточно широкий смысловой спектр.

Порой она отражает радостное и радужное восприятие мира. Когда у нас всё хорошо, мы думаем: «Вот она – жизнь игра, всё, что ни сделаю, всё хорошо!». А если смотришь на мир более пристально, то убеждаешься, что в жизни не всё так гармонично, что не стоит быстро сдаваться, несмотря на то, что игра уже проиграна.

Да, жизнь – игра, а люди в ней актёры. Нами никто не управляет – мы сами творим всё, что хотим. Есть, конечно, моменты, когда мы не способны что-либо изменить, но это значит лишь то, что мы в своей игре зашли в тупик. И из него нужно выходить.

Вся наша жизнь, одна игра.

Где автор каждого сюжета
И есть судьба.
Судьба нам роли назначает,
Земля в костюмы одевает,
А годы нам наложат грим
И каждый роль свою играет.

Сегодня в детство мы играем,
А завтра взрослые уже.
И в нашей жизни, так зависит,
Чей образ в жизни мы играем.
Ведь наша жизнь и есть кино,
Где всюду есть добро и зло.

(К. А. Давидян)

В устах народа эта известная фраза обновляется в новый игровой текст:

Вся жизнь – пурга, а люди в ней снежинки,
Которых ветер кружит в хоровод...
Одни замёрзнут, превратившись в льдинки,
Других, растаяв, унесёт водоворот!

Во фразе *Что наша жизнь? Игра!* действительно много мыслей, ассоциирующихся с фразеологическими парадоксами.

Коммуникативно-смысловая сущность парадокса (гр. *παράδοξος* – неожиданный, странный) издавна привлекала к себе крупнейших мыслителей – от Цицерона, Аристотеля, Квинтилиана до Ж. Ж. Руссо, Г. Гейне, А. Шопенгауэра, Б. Рассела и мн. др. Многовековые наблюдения показывают когнитивную целесообразность парадоксальных конфигураций

языкового сознания. Именно благодаря им человеческому мышлению удаётся оторваться от стереотипов прямо номинативного дискурса и в новой логике лингвокреативных рассуждений оказаться в стихии косвенно-производного знакообразования. Парадокс – явление многогранное не только на пересечении разных наук (философии и логики, риторики и эстетики, психологии, литературоведения), но и в рамках собственно лингвистического его осмысления. Сам факт значительных расхождений в понимании понятия парадокса побуждает найти его базовый признак. Таковым является «противоречие». Отсюда наше определение фразеологического парадокса как речевого противоречия, выражающегося, с одной стороны, в формально-языковом сочетании логически несовместимых концептов, а с другой – в ассоциативно-смысловом их объединении в едином фрейме¹. Парадоксальная сочетаемость фразеомообразующих компонентов направлена на первичную референцию, а ассоциативно-смысловая целостность фреймового фразеомосемиозиса – на референцию вторичную, основанную, главным образом, на лингвокреативных механизмах языковой игры. Суть этого механизма безотносительно к фразеологии разъясняет Т. А. Гридина. По данным её докторского исследования, языковая игра как форма лингвокреативного мышления эксплуатирует механизмы **ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, создания и употребления** языковых единиц, характеризуется условностью и интенциональностью. Последние признаки являются категориальными свойствами игровой фраземодеривации. Дело в том, что фраземотворческая деятельность языкового сознания опирается на использование слов в косвенно-номинативной функции, на приёмы трансформированного словоупотребления. Как утверждает Т. А. Гридина, «эффект языковой игры обусловлен включением знака в новый ассоциативный контекст» (Гридина, 1996, с. 12). Функция ассоциативного контекста состоит в обеспечении направленного прогноза восприятия фраземы в речи. Игровой ассоциативный контекст, в основе которого лежит принцип отклонения от речевой нормы, служит деавтоматизации процесса восприятия фраземы. Ассоциативный контекст фраземы, будучи условием реализации в ней

¹ Понятие структурного фрейма текста совпадает с понятиями архетипа/«протобраза». Фрейм-ситуация формируется представлениями о прототипической ситуации и её элементах. Структура фрейма состоит из терминальных узлов-слотов (терминалов) и нетерминальных узлов, содержащих конкретные сведения и информацию, относящуюся к тому концептуальному объекту, который описывает фрейм. Противоречия, возникающие между терминальными и нетерминальными узлами, стимулируют фразеологическую игру слов.

игрового эффекта, обеспечивает панорамное (объёмное) выделение узлов и слотов фразеологического фрейма и деятельностное отношение к репрезентирующим их словоформам (Алефиренко, 2008, с. 13).

Образы народной речи всегда строились по принципу парадокса, не нарушая при этом грамматических форм и структурных компонентов высказывания. На этих же принципах основывается и словесное творчество. Достаточно вспомнить Эдварда Лира, Льюиса Кэрролла, Козьму Пруткува и др. А в начале XX века языковая игра вылилась в философию зауми, наиболее ярко представленную в художественной речи Велемира Хлебникова, Игоря Северянина, Алексея Кручёных, Даниила Хармса. Не случайно в наше время появилось понятие «язык абсурда».

Языковая игра как механизм когнитивно-дискурсивного порождения фразем – относительно новый предмет фразеологии. Её фраземодеривативной ипостаси предшествовала разрабатываемая Т. А. Гридиной теория ассоциативного потенциала слова. Для фразеологической игры слов весьма ценными могут оказаться выявленные в её работах операциональные приёмы и механизмы языковой игры. Полезной для нас является также классификация «игрем», разработанная Е. А. Земской. Следуя её классификации, во фразеологической игре слов различаются игремы а) по форме, б) по содержанию, в) по форме и содержанию. Основой этой классификации служат окказиональные фраземы, представляющие собой неузуальные, т. е. не соответствующие общепринятому употреблению фразеологические единицы. Поскольку понимание окказионального фразеомообразования не отличается стабильностью, отметим, что окказиональность рассматривается как одно из проявлений аномального «поведения» слова во фраземодеривационном процессе. Аномальность слова в составе фраземы проявляется в отклонении от языковой нормы, т. е. от узуальной системы правил. Причём фразеологическая аномалия слова – не речевые ошибки. Это сознательное или подсознательное словоупотребление, вызванное актуализацией ассоциативного потенциала слова с целью привлечь интерес к предмету мысли или вызвать непосредственную реакцию говорящих. Надо заметить, что во фразеологической игре слов отклонение от нормы имеет свои особенности. Оно ведёт не к ошибке, а к намеренному использованию отклоняющихся от нормы форм слова и смыслового содержания его семантики. На фоне языковой системы и нормы такие отклонения вполне осознаваемы, поскольку мотивируются ассоциативно-смысловой синергетикой фразеомообразующих слов.

Фразеологическая игра слов обычно строится на двух принципах: **принципе ассоциативной координации** и **принципе ассоциативного**

контраста. Оба принципа делают игровой парадокс оправданным, поскольку служат осмысленному восприятию фраземы. Приёмами, создающими интенциональный эффект ассоциативной координации и контраста в восприятии фраземы, являются: 1) ассоциативная интеграция совмещённого восприятия её формы и содержания; 2) ассоциативное наложение нескольких планов восприятия фраземы (сближения, сопоставления, противопоставления) на фоне актуализации её лексических компонентов; 3) ассоциативно-игровая идентификация ассоциантов; 4) деривационно-мотивационная связь ассоциантов; 5) ассоциативная провокация (намеренное столкновение денотативных функций лексических компонентов фраземы (Алефиренко, 2008, с. 16 – 17). Фразеологическая игра слов даёт возможность выделить ещё один тип – ассоциативные парадоксы, которые стали предметом докторского исследования К. И. Декатовой. В принципе, они типологически совпадают с авторскими, хотя и принадлежат, как правило, к результатам словесной игры общенародного языкового сознания. К ним относятся многие стилистические фигуры и приёмы, включая метафору, оксюморон и некоторые виды каламбуров. В этом случае стилистический эффект возникает за счёт взаимодействия фраземы с дискурсивным контекстом. Важнейшую роль в таком взаимодействии играет открытый А. А. Ухтомским принцип доминанты, который учёный увязывал с фундаментальной стратегией человеческого бытия и познания, с важнейшими психическими процессами. Доминанта означает преобладание одного очага возбуждения в коре головного мозга над другим. Для понимания когнитивных механизмов фразеологической игры слов идеи А. А. Ухтомского ценны тем, что доминанта, несмотря на свою нейрофизиологическую природу, способна, как утверждал сам учёный, трансформироваться в любое «индивидуальное психическое содержание». Чтобы понять механизм такой трансформации, важно, вслед за автором, различать «высшие» и «низшие» доминанты. «Низшие» доминанты носят физиологический характер, «высшие» – возникающие в коре головного мозга – составляют физиологическую основу «акта внимания» и «предметного мышления». Надо полагать, именно «высшие» доминанты определяют направленность нашего восприятия в той денотативной ситуации, которая порождает игровую фразеологическую номинацию. При этом доминанта служит фактором, интегрирующим ощущения в целостную картинку. «Высшие» доминанты выступают важным фактором категоризации всех отраслей человеческого опыта, поскольку с их активным участием в языковом сознании актуализируются те ранее пережитые ассоциации, впечатления, образы и представления, которые составляют смысловое содержание

фразеомообразующих когнитивных структур – гештальтов, концептов и фреймов. Поскольку такого рода когнитивные структуры не являются жёстко структурированными, как логические понятия, в их рамках могут актуализироваться разные доминанты. Их возможная несовместимость как раз и провоцирует различные дискурсивно-когнитивные парадоксы (умышленно акцентированные несоответствия между реальным и воображаемым), которые, собственно, и порождают фразеологическую игру слов. Таким является восходящее к евангельскому тексту выражение *сучок в глазу замечать (видеть)*. Здесь открытое столкновение двух доминант: первая вызывается образом сучка как чего-то грубого и огромного, а вторая – образом глаза. Их несовместимость порождает фрейм «кто-то замечает мелкие недостатки других, не замечая своих, несопоставимо более крупных». Игра слов порождает фразу лишь тогда, когда в общественном сознании утверждается новая доминанта – концепт «предвзятость», вокруг которого возникает фрейм «прежде чем уличать кого-то в мелких прегрешениях, необходимо избавиться от своих более крупных». Отсюда коммуникативно-прагматические свойства этой фраземы: её экспрессивность и коннотация порицания того, к кому относится это выражение.

Принцип доминанты обуславливает процесс возникновения целостного фразеологического образа из составляющих его частей, что является основополагающим для объяснения когнитивного механизма его формирования. Благодаря принципу доминанты игра слов в структуре возникшей фраземы уже не вызывает прямых референтных реакций, а лишь усиливают деятельность доминирующего центра. Вообще «человек подходит к миру и к людям, – пишет А. А. Ухтомский, – всегда через посредство своих доминант, которые «стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью». Каковы доминанты человека, полагал А. А. Ухтомский, таков и его интегральный образ мира. А в соответствии с интегральным образом мира устанавливаются те жизнесмыслы, вокруг которых формируются основные фразеосемантические поля. Назову несколько таких жизнесмыслов: **счастье** [*быть (чувствовать себя) на седьмом небе (на верху блаженства), родиться под счастливой звездой*], **обожание** [*души не чаять, не надышаться*], **презрение** [*молоко на губах не обсохло, грош цена <в базарный день>*], **негодование** [*кровь бросилась в голову, метать громы и молнии*], **угроза** [*костей не собрать, показать, где раки зимуют*], **тоска** [*вешать нос, кошки скребут на (в) душе*], **испуг** [*лица нет (нету), мороз по коже продирает*], **опыт** [*собаку съел, тёртый калач, стреляный воробей*], **сходство** [*как две капли воды, одним миром мазаны*], **кончина**, **смерть** [*дышать*

на ладан, отдавать Богу душу, сыграть в ящик), **обман** (водить за нос, оставлять на бобах, пускать пыль в глаза, втирать очки кому).

В поле зрения когнитивной фразеологии, прежде всего, оказываются те когнитивные структуры, которые создают парадоксальность фразеологической сочетаемости. Причём само фразеологическое образование и фразеологическое употребление в рамках этой парадигмы следует рассматривать как определённый когнитивный процесс, состоящий в парадоксальной переработке информации, заключённой во фразеологических компонентах узуальных и окказиональных фразем.

1 Контекстуальный парадокс с использованием узуальных фразем

1.1 Когнитивно-семантический парадокс – фразеологическая единица сталкивается в одном контексте с лексико-фразеологическими единицами, не совместимыми с ними по их семантическим характеристикам. Ср.: *Татьянин день – это такой день, в который разрешается напиваться до положения риз даже невинным младенцам и классным дамам* (А. Чехов). Фразеологизм *до положения риз* означает 'до крайней степени, до невменяемости'. Здесь семантический парадокс возникает при оксюморонном объединении в одном контексте фразеологической единицы *напиваться до положения риз* и оборотов *невинным младенцам* и *классным дамам*. Оксюморон – приём, связанный с нарушением стереотипов – логических и языковых. С нарушением логических стереотипов связан эффект «обманутого ожидания» или эффект неожиданности. Во-первых, парадоксальным является логическая несовместимость концепта «Риза» – 'верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения' и концептов «невинные младенцы» и «классная дама». Вторым парадоксом здесь выступает языковая несовместимость выражений *невинные младенцы* и *классные дамы* с фраземой (*напиваться до положения риз*, употребляющейся в значении 'опьянеть до состояния снятия с себя (положения на землю) одежды (риз)'. Кстати, происхождение фраземы связывают с библейской притчей о Ное, который, опьянев, обнажился. Абсурдность представленного дискурса создаётся подчёркнутым соединением исключаящих друг друга фразем.

1.2 Стилистический парадокс – в одном контексте сталкиваются единицы, принадлежащие к разным стилям речи и имеющие различную стилистическую окраску. Встречаются случаи, когда семантический

парадокс дополняется стилистическим: *Из угла в угол шагает швейцар, алчущий и жаждущий. На сытом рыле его написано корыстолюбие, в карманах позванивают плоды лихоимства.* (А. Чехов). Здесь сталкиваются концепты «голод» и «сытость», репрезентируемые библейской фраземой *алчущий и жаждущий* и просторечным словосочетанием *сытое рыло*. Когнитивно-семантический парадокс в этом случае усиливается сосредоточием разностилевого речемышления: высокого книжного (*алчущий и жаждущий*), сниженного (*шагать из угла в угол, в карманах позванивает*) и грубо-просторечного (*написано на сытом рыле*). Кроме прочего, здесь срабатывает двусмысленность: с одной стороны, дискурсивный смысл фраземы *алчущий и жаждущий* – ‘алчно жаждущий чаевых’, с другой – узуальное значение ‘испытывающий голод и жажду’; фраземы *в кармане звенит* – дискурсивный смысл ‘плоды лихоимства’ и узуальное значение ‘мелкие деньги’. Ср. народный афоризм: *Хорошо, когда в кармане звенит. Ещё лучше, когда в кармане шелестит*. В нём противопоставляется скудность (разменные монеты звенят) – достатку (бумажные купюры шелестят). Т. А. Гридина отмечает, что именно «стилистический контраст сближаемых синонимичных ассоциантов создаёт эффект парадокса.

1.3 Контекстуальный парадокс создаётся парадигматическим взаимодействием компонентов двух фразем. В результате возникает эффект каламбура. Между взаимодействующими компонентами могут возникать разные парадигматические отношения. Ср.: *Плоды просвещения – это яблоко раздора между семьёй и школой*. Здесь между лексемами фразеологической единицы *плоды* и *яблоко*, принадлежащими одной тематической группе, устанавливаются гиперо-гипонимические отношения. Каламбурный эффект парадокса усиливается при столкновении фразем с омонимичными компонентами. Ср.: *Никогда <...> Воробьянинов не протягивал руки. – Так протяните ноги, старый дуралей! – закричал Остап*.

2 Языковая игра с частичной семантической трансформацией фразем

При этом фразема используется, как правило, в генетически исходном значении. Стилистический же эффект достигается внешней контекстуальной омонимией фраземы. Её суть состоит в том, что контекст, поддерживающий прямое значение фраземы, предсказывает её прямое

значение. Такое фразеомупотребление вполне ожидаемо, а сам контекст выполняет прогнозирующую функцию. Ср.: *Три года Э. Русалкин содержит в ванне живого крокодила Барсика, подкармливая его бычками в томате. Когда хозяина лишают премии, благодарное животное **плачет** настоящими **крокодиловыми слезами***. Контекст **содержит... живого крокодила, животное плачет, настоящими**, прогнозируют прямое значение фразеологической единицы *крокодиловыми слезами*. Буквализация фраземы создаёт эффект ожидания парадокса. Так, стилистический аспект восприятия слова *тютелька* как компонент разговорной фраземы *тютелька в тютельку* не соответствует стилистическому аспекту восприятия книжного афористического выражения *точность – вежливость королей*, что создаёт комический парадокс при их контаминации: *тютелька – вежливость королей*. Ещё более наглядно стилистический парадокс создаётся фразеологической контаминацией разговорной фраземы *развесить уши* и библейского выражения *имеющий уши да услышит*. Смысловая контаминация фразем продуцирует их ассоциативную координацию (сближение) по семе 'слушать' и ассоциативное противопоставление по семам 'слишком доверчиво воспринимать истину' и 'слышать истину, слово божье' (Гридина, 1996, с. 18).

Обычно качественным или местоименным прилагательным уточняется и конкретизируется один из слотов фразеомобразующего фрейма.

3 Языковая игра с полной трансформацией билатеральной структуры фраземы

Изменение плана содержания фраземы с помощью окказиональной замены одного из её компонентов. Ср.: – *Ну, а что ваш приятель, Никанор Сырцов? По-прежнему **сидит сложа руки**? – Сложа-то сложа. Только не сидит, а **лежит**. От голодного тифа или что-то вроде – помер* (А. Аверченко). В результате замены компонента *сидеть* на окказиональный компонент *лежать* изменяется семантика оборота ('быть покойником'). Этому способствует лингвокогнитивный фон: собственно речевой контекст и обычай складывать руки покойника на его груди. Ср.: *Я мыслю – и на это существую* (из *Я мыслю – значит существую – Cogito ergo sum*). Замена компонента *значит* на *это* меняет смысл выражения. Его трансформ означает 'моя умственная деятельность является источником средств существования'.

Второй разновидностью фразеологической игры слов является нарушение непроницаемости означающего знака за счёт расширения компонентного состава фраземы. В результате такого разрушения непроницаемости фразеологической структуры происходит деметафоризация фраземы. После такого преобразования возникает омонимичный оборот с прямым значением. Ср.: *Любознательному туристу Одесса даёт вкусную пищу для наблюдений* (И. Ильф). *Давать пищу* – ‘способствовать возникновению или развитию интереса’, компонент *вкусная*, разрушая целостность фразеологической единицы, возвращает пище прямое значение. Возникает эффект двойной актуализации: *вкусная пища* – *пища для наблюдений*.

Третьей разновидностью фразеологической игры слов является контаминация фразем. Обычно это объединение фразем, имеющих одинаковый компонент. Ср.: Кай. *Молчи, дрянь! Твое дело ещё впереди*. Кири. *Молчу, как рыба об лёд* (М. Булгаков). Основанием данной фразеологической контаминации служит компонент *рыба*: *молчать как рыба* и *биться как рыба об лёд*. Семантика первого оборота сохраняется, а второй десемантизируется и используется для создания каламбура. Можно найти примеры двойной контаминации типа *гомерический смех сквозь крокодиловы слёзы*. В таком случае контаминируются три фраземы: *гомерический смех* и *смех сквозь слёзы* (основание – компонент *смех*) и *смех сквозь слёзы* и *крокодиловы слёзы* (основание – компонент *слёзы*).

Одним из наиболее активных способов трансформации семантики традиционных фразем и паремий является смысловой «макаронизм», контаминация двух совершенно разных по смыслу и структуре пословиц. Этот процесс преобразования устойчивых выражений в какой-то степени соответствует духу нашего времени – духу смешения стилей, называемого логикой парадокса. Это постмодернистский тип мышления – отличительная черта современной культуры. В основе фразеологической контаминации лежит стремление обойти логику обыденного путём смелой интерпретации привычных смыслов. Вспомним напутствие И. В. Гёте:

Валите в кучу, поверху скользя,
Что подвернётся, для разнообразья.
Избытком мысли поразить нельзя,
Так удивите недостатком связи.

Наблюдение над современной фразеологической игрой слов показывает, что смысловая или структурная близость контаминируемых единиц не является обязательным условием их контаминации. В одно целое

могут объединяться алогичные и даже парадоксальные по своему значению части двух фразем или фразем и паремий. Типично, что значение такой фраземы полностью переосмысляется и не восходит по значению ни к одной из контаминируемых единиц. Ср.: **Большому кораблю море по колено** = *большому кораблю – большое плавание* 'Незаурядному человеку предстоит большая плодотворная деятельность'. Говорится как напутствие, пожелание тому, кто заслуженно получает возможность проявить свои большие способности + *море по колено* 'Ничто не страшно для кого-либо; всё нипочём кому-либо'. Вполне очевидно, что парадоксальная игровая контаминация, образующая многомерный образ, создаётся целенаправленным отклонением от семантико-стилистической нормы употребления фраземы, сужением двух кульминаций в одном выражении. Возникающий при этом образ, разумеется, ирреален. Фразеологическая контаминация как приём языковой игры направлена на создание сложной, семантически ёмкой единицы. В своём поверхностном слое такие контаминированные фраземы своей искусственностью, подчёркнутой нелогичностью, смешением высокого и низкого нарочито искажают мир, изображая нелепые алогичные ситуации. Такого рода объединение фразем приводит, во-первых, к снижению уровня абстракции контаминированной фраземы, её буквализации; во-вторых, сама контаминированная единица приобретает статус бессмыслицы, служащей, как правило, для выражения ироничного, негативного отношения к тому, что человек чувствует, оценивает. Складывается ощущение, что контаминируются фраземы с одной целью – выразить протест против надоевшего здравого смысла, стереотипного видения мира.

4 Контаминационная языковая игра с изменением плана содержания фразем

Контаминационная языковая игра с изменением плана содержания фразем нередко использует синонимические и антонимические отношения фразем. Например: *Пасмурно оттого, что у вас окошки-то с которых пор не мыты? Грязи- то, грязи на них! Зги Божьей не видно, да одна штора почти совсем опущена* (И. А. Гончаров). Здесь контаминируются две синонимические фраземы *ни зги не видно* и *света Божьего не видно* (основание – компонент *видно*).

Языковая игра **с полной трансформацией** билатеральной структуры фраземы нередко основывается на приёме фонетической мимикрии, который опирается на звуковое уподобление слова, его преобразование

вариантом другого слова. Приём основан на частичной морфо-фонетической трансформации компонента, приводящей к полному изменению семантики компонента и всего оборота. 1) Замена одной-двух фонем или морфем другими. Ср.: *Еле-еле душа в деле, Сколько Лен, сколько Зин! Взятки сладки, Деньги на дочку! Любовь до гробовой тоски, Лягушка: Дорога мошка к обеду. Ружьё: И волки биты, и овцы целы.* 2) Добавление (вставка) одной-двух фонем или морфем: *Кум – хорошо, а два – лучше. Или план, или пропал. Рыночные сцены. Перед злоупотреблением взбалтывать!* 3) Усечение на одну-две фонемы: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы оно не лакало* (вместо *плакало*), *заслуженная ограда* (вместо *награда*), *Удивительное – ядом* (вместо *рядом*)! Во всех случаях фонетической мимикрии исходная фразема служит вторым планом, соотносённость с которым создаёт предполагаемый стилистический эффект.

Итак, языковая игра в сфере фразеологии опирается на когнитивно-дискурсивные трансформации фраземного знака в целом или на видоизменение одной из его билатеральных частей – плана выражения или плана содержания. Фразеологическая игра слов как явление расширяет креативные возможности языка и повышает его познавательную активность. Вне сомнения, перспективным в исследовании фразеологической игры является:

- раскрытие её роли в обогащении эвристического потенциала языка;
- стремление понять прагматические стимулы и когнитивно-дискурсивные механизмы косвенного смыслообразования;
- наконец, осмысление трудно постижимого феномена, как, по выражению Йохана Хейзинги (1997, с. 217), «дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает, играючи, с уровня материального на уровень мысли».

ЛИТЕРАТУРА

- АКСЁНОВА, О.: *Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта*. Москва: Наука, 1978. 243 с. ISBN 978-1-84862-084-1.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: *Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма*. Белгород: Издательство БелГУ, 2008. 150 с. ISBN 978-5-9571-0330-1.
- АРУТЮНОВА, Н. Д.: *Аномалии и язык*. In: *Вопросы языкознания*, 1987, 3, с. 3 – 19. ISSN нет.
- БАХТИН, М. М.: *Эстетика словесного творчества*. Москва: Директмедиа Паблшинг, 2007. 424 с. ISBN 978-5-94865-995-4.
- БЕРЛЯНД, И. Е.: *Игра как феномен сознания*. Кемерово: АЛЕФ, 1992. 96 с. ISBN 5-85119-002-7.

- БРЕДИХИН, С. Н.: «Языковая игра» как лингвистический феномен. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Нальчик, 2003. 147 с. ISBN нет.
- БУКИРЕВА, Т. А.: *Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2000. 145 с. ISBN нет.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А.: *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1997. 411 с. ISBN 5-89216-016-5.
- ВИТГЕНШТЕЙН, Л.: *Философские исследования*. In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Москва: Прогресс, 1985. с. 79 – 128. ISBN 5-01-004647-4.
- ГРИДИНА, Т. А.: *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: Уральский ГПИ, 1996. 215 с. ISBN 5-7186-0102-X.
- ДЕКАТОВА, К. И.: *Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект исследования*. Волгоград: Перемена, 2009. 340 с. ISBN 978-5-9935-0134-5.
- ДРАГАЛИНА-ЧЁРНАЯ, Е. Г.: *Парадокс индоктринации: от «языковых игр» к «жизненным мирам»*. In: Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2008, 1. ISSN 2218-9238 (online).
- ДЭЙВИСОН, А.: *Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе перформативности»*. In: Новое в лингвистике. Вып. 17. Москва: Прогресс, 1986. ISBN 9785998928017.
- ЕШКЕНАЗИ, А.: *За парадоксите в логиката*. София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1977. 154 с. ISBN нет.
- ЖУРАВЛЁВА, О. В.: *Механизм языковой игры как когнитивный процесс манипуляции моделями смыслопорождения*. In: Общие и частные проблемы онтологии языка: материалы круглого стола. Бийск: НИЦ БПУ, 2002, с. 53 – 57. ISBN 5-7136-0082-3.
- ЖУРАВЛЕВА, О. В.: *Языковая игра как синергетический процесс саморазвития языка*. In: Текст: структура и функционирование. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2002, с. 13 – 18. ISBN 5-7904-0115-5.
- КОСТЮК, В. Н.: *Парадокс: логико-системный анализ*. In: Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1979. Москва: Наука, 1980, с. 344 – 357. ISBN нет.
- ЛОТМАН, Ю. М.: *Структура художественного текста*. In: Лотман Ю. М. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1998, с. 14 – 285. ISBN 5-210-01523-8.
- МИНСКИЙ, М.: *Остроумие и логика когнитивного бессознательного*. In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. Москва: Прогресс, 1988, с. 281 – 310. ISBN 9785998928079.
- САННИКОВ, В. З.: *Лингвистический эксперимент и языковая игра*. In: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1994, 6, с. 25 – 28. ISBN 3 89586 482 X.

- СОКОЛОВА, Я. – КОРИНА, Н.: *Человек – Язык – Дискурс. Очерки об ориентации человека в пространстве языка и речи*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 206 с. ISBN 978-3-659-98851-6.
- ТАРМАЕВА, В. Д.: *Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке*: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Иркутск, 1997. 21 с. ISBN нет.
- ТРОШИНА, Н. Н.: *Когнитивный аспект стиля*. In: Структуры представления знаний в языке. Москва: ИНИОН, 1994, с. 128 – 141. ISBN нет.
- УХТОМСКИЙ, А. А.: *Доминанта*. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 448 с. ISBN 5-318-00067-3.
- ФРЕЙД, З.: *Введение в психоанализ*. Москва: Наука, 1989. 456 с. ISBN 5-02-013357-4.
- ХЕЙЗИНГА, Й.: *Ното Ludens. Статьи по истории культуры*. Москва: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с. ISBN 5-89493-010-3.
- ЦИКУШЕВА, И. В.: *Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования*. In: Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 90, 2009, с. 169 – 171. ISBN 5-8064-0898-1.

РИСИ ПЕРІОДИЧНОГО СТИЛЮ В ЖИТОМИРСЬКОМУ СПИСКУ ЛІТОПІСУ ГРИГОРІЯ ГРАБ'ЯНКИ

Ольга Геращенко

THE CHARACTERISTICS OF PERIODIC STYLE IN THE ZHYTOMYR REDACTION OF HRYHORY HRABYANKA'S CHRONICLE

Abstract: The principal structural and grammatical characteristic of the periodic sentence in the studied document is multilevel subordination typically used with the anticipatory position of the subordinate parts, which moves the predicate to the end of the construction and uses specific means to join the parts connected subordinately. Subordinate parts sometimes split the sentence structure and the subject moves to the beginning of the construction. In most cases, instead of forming the periodic sentence according to the structural and grammatical rules, Hrabynka adds rhythm to it and supplies it with rhetorical figures. However, while the Chronicle's author peruses such periodic sentence, the periodic style is not dominant in his narration. In general, the periodic sentence is quite a rare syntactic construction and, therefore, it fails to get an extensive practical implementation by the chronicler.

Key words: periodic sentence, structural and grammatical characteristics, periodic style, hypotactic structures, anticipatory subordination, multilevel subordination, rhetorical figures, interlinear rhyme.

Важливою частиною риторичної теорії елокуції є вчення про сполучення слів. Воно стосувалося поєднання слів у словосполучення й розташування їх у реченні, а також побудови цілих фраз. Змістом учення про будову фраз, що входить до складу вчення про сполучення слів, є організація в тексті мовленнєвих відтинків різної довжини: надкоротких словосполучень («ком»), коротких словосполучень і простих речень («членів»), довгих складнопідрядних конструкцій («періодів»).

Період – одне з центральних понять європейської риторики, в основі якої було дотримання класичних традицій. Зазначмо, що вивчення періоду як структурної одиниці конкретного тексту ускладнюється широтою та неоднозначністю цього терміна. За довгу історію розвитку риторичного мистецтва з'явилося багато різноманітних визначень і характеристик періоду.

Учення про період, теорія і практика періодичного стилю письма були вироблені й розвивалися ще за часів античності. У Давній Греції

теорію періода розробляли Ізократ, Арістотель, Деметрій, Діонісій Галікарнаський; у Римі – Цицерон і Квінтіліан (Кашета, 2007, с. 105).

Згідно з давньогрецькими риториками, існує два види мовлення: заокруглене, що складається лише з періодів, – мовлення Сократа, Георгія і Алкідаманта, період йде один за одним; розірване, коли це мовлення розривають колони, які погано підігнані один до одного, ніби нагромаджені один на одного – Гекатей, Геродот (Арістотель, 1978, с. 239).

Так, Арістотель визначає «період» як заокруглене, завершене мовлення, що має початок і кінець, і при цьому є зрозумілим для слухачів. Округлість, ритмічне об'єднання початку й кінця періоду отримуємо завдяки першим і кінцевим стопам. Період починається наголошеним складом і наголошеним складом закінчується. Початок і кінець виголошуються в одному ж темпі. Арістотель також поділяє періоди на складні й прості. «Простим я називаю період одночленний», – писав він. – «Складний же період складається з декількох простих періодів» (Арістотель, 1978, с. 169).

Деметрій, чия творчість припадає на добу пізнього еллінізму формулює власне визначення сутності періода: «У цілому період являє собою ніщо інше, як певне поєднання слів. Сама назва періода є уподібненням його до колоподібного, кільцевого шляху. І якщо, порушивши цю колоподібну будову, переставити слова, то зміст залишиться незмінним, але періода не буде». Колон, за визначенням Деметрія, являє собою головну структурну одиницю періода; головна мета цієї одиниці полягає у визначенні думки. Колони ніби дають можливість відпочити мовцеві (Деметрій, 1978, с. 258). З погляду структурної будови Деметрій визначає період як поєднання колонів і ком (зменшених колонів), що містить завершену думку.

Вироблене на ґрунті античних теорій поняття періода в риторичній науці зазнало різних модифікацій щодо критеріїв визначення періода: ритмічних, семантико-логічних, синтаксичних, композиційних та ін. Це поступово привело до розширення поняття періода як структурної одиниці прозового тексту.

Термін «період» вживається як синонім до терміна «речення» (Кашета, 2007, с. 107). Так, О. Ревзіна пише про період: «Це – цілісний опис, цілісне оповідання, цілісне логічне міркування. Період не має елементів з попереднього контексту, внутрішніх анафористичних зв'язків. Це невеликий зв'язний текст у межах одного речення» (Ревзіна, 1969, с.5).

Важливою ознакою періода, на думку Ю. Кашети (яка дотримується визначення А. Вежбицької – тут і далі за неприступністю першоджерела посилаємося на роботу Ю. Кашети), є його «засаднича гіпотактичність».

Жодна складова частина періода не може приєднуватися до попередніх частин у вільний спосіб, усі наступні частини мають бути визначені попередніми. Цим забезпечується основна особливість періоду: його зміст стає зрозумілим лише після виголошення останнього слова.

У питанні ідентифікації періода ми будемо ґрунтуватися на ознаках, які виокремила Ю. Кашета (ідучи за А. Вежбицькою) внаслідок аналізу конкретних стилістичних засобів, використовуваних тогочасними письменниками, зокрема М. Смотрицьким, для досягнення притаманної періодові структурної цілісності та єдності. Серед них:

1) особливе розташування елементів у періоді, коли підрядні частини передують головним (антиципаційний порядок утворення складних речень);

2) багатство та різноманіття формальних засобів зв'язку, передусім парних сполучників і сполучних слів;

3) велика кількість ступенів підрядності, що часто неодноразово розривають структуру речення;

4) винесення присудків на кінець речень, а присудка головної частини – в абсолютний кінець періоду;

5) винесення підмета, спільного для підрядної та головної частини, в абсолютний початок періоду тощо (Кашета, 2007, с.113).

Окрім того, «заокругленість мовлення» в періоді може досягатися симетрією елементів, паралелізмом членів, ритмізацією структурних елементів, застосуванням різних риторичних фігур – градації, повторів, анафор тощо. Ці ознаки, за свідченням А. Вежбицької, є вторинними (Кашета, 2007, с.112).

Оскільки загальновідомо, що з кінця XVI ст. і принаймні до середини XVIII ст. українська література була позначена виразними польськими впливами, а також дотримувалася класичної античної традиції, бачиться логічним і доцільним досліджувати стилістичний синтаксис літопису Г. Граб'янки в контексті періодичного стилю. За теорією А. Вежбицької, у польській прозі XVI ст. спостерігалася справжня його експансія, зумовлена «риторизацією» писемних текстів (Кашета, 2007, с.113).

Отже, цікаво виявити в «Дѣйствіях презѣльной... брани...» типові ознаки періодичного стилю та з'ясувати їхню стилістичну роль. Досліджуючи текст літопису, ми братимемо до уваги не лише головні – граматико-структурні – ознаки періоду, а й другорядні – ритмізацію та «прикраси». Останні – це різного типу риторичні фігури, в основі яких лежить, скажімо, принцип повтору чи розміщення (паралелізм, симетрія членів, градація, анафора, хіазм тощо).

Наш аналіз свідчить, що загалом речення літопису Граб'янки не мають усіх структурно-граматичних ознак періода. У пам'ятці знайдено лише одинадцять речень, які можна назвати періодами. Це речення з найбільшою кількістю ознак (три-чотири ознаки з п'яти структурних, а також внутрішня рима – засіб ритмізації). Таких періодів вісім, решта – речення з двома ознаками періода.

У першому прикладі ми маємо найбільшу кількість структурно-граматичних ознак і ритмізацію. Основна риса, яка присутня в усіх періодах, – це велика кількість ступенів підрядності, що може розривати структуру речення:

- Во миру же жити никогда не хоцут(т) [,] но егда в землѣ ихъ ми(р) оглашень будетъ [,] то самоволно идутъ на помощь иннимъ царствамъ [,] и малія ради користи великую нужду подіумують [,] море переплавати дерзають [,] в едно в дре(въ)нхъ суднахъ и многажди дши свои погу(б) ляю(т) [,] яко не иму(т) сего обычая [,] дабы со собою священниковъ ради нужди смертнои имѣли [,] (Гисторія, 2001, с. 51).

Речення має три підрядні частини, причому перша з них передує головній (антиципація). Бачимо також серед формальних засобів зв'язку парні сполучники *егда... то...*. Структурно-граматичні ознаки періода супроводжуються і його ритмічною організацією. Це однакове закінчення дієслів *дерзають* – *погу(б)ляю(т)* (риторична фігура – гомеотелевтон). Останньою ознакою цього періода є винесення присудка *имѣли* в абсолютний кінець речення.

Іноді трапляються речення з дев'ятьма чи вісьмома підрядними частинами. Наприклад:

а) з дев'ятьма підрядними:

- Вся же сія король видяше [,] и на ся зло(с)ловящи(хъ) [,] обаче те(р) пяше вѣдуще между ляхами веліе непостоян(ст)во [,] нѣ бо королевѣ повинуются [,] нѣ имуть согласія со собою [,] но колико ляховъ е(ст) в полскои сторонѣ [,] толико согласія и совѣтовъ [,] всяк бо свое слово [,] и совѣтъ [,] вишше поставити хоцетъ надъ другого [,] и сами со(ст) авляють совѣти [,] и писаніемъ у(т)верждають [,] но всего того о(т) рицаю(т)ся послѣди [,] яко же и статіямъ зборовски(мъ) сотвориша [,] и бо подъ Зборовомъ король [,] и весь свеклѣтъ (?) полскіи [,] поставиша статіи с козаками [(:) яковіе написанни су(т) на преди(:)] послѣди же и пресудиша инако [(:) в пе(р)вои статіи до ми(т)рополитъ кіевскіи в свеклѣтѣ королевскомъ по примастѣ пе(р)вое мѣсто да имѣе(тѣ) [,] и тую ж де статію о(т)ве(р)гоша внегда бо приде блженнои памяти [,] Све(т)рѣ Косовъ [,] до Ва(р)шавы [,] бысть мова в свеклѣтѣ [,] не дати ему мѣста в сенатѣ [,] яко о(т) рускія вѣри [(:) а наипаче еппи римскыя

роптаху на короля [,] и настояху на сіе [,] да не има(т) мѣста митрополитѣ (!) кievскій [,] между епископи римскими в свеклѣтѣ [,] да сіе самое [,] яко рускіи епископи [,] друзіе же глоголаху[,]; понеже не о(т) дховни(хъ) [,] но о(т) мискиих в свеклѣтѣ совѣти бывають [,] и что возбраняе(т) митрополиту кievскому в свиклѣтѣ совѣтовать (Гисторія, 2001, с. 112).

У реченні маємо велику кількість ступенів підрядності, три рази підрядні частини розривають структуру речення (2-а та 7-а й 8-а підрядні частини), друга підрядна частина є антиципаційною. У періоді вживаються парні сполучні засоби: *колико... толико... , понеже... и что...* . Як бачимо, вживання сполучників при поєднанні частин сприяє досягненню більшої єдності висловлювання. У цьому розумінні це дуже важливий засіб, оскільки в періоді наявний ще й сурядний та безсполучниковий зв'язок. Спостерігаємо знову внутрішньорядкову риму *со(ст)авляють... у(т)верждають* (гомеотелевтон) та винесення присудка *совѣтовать* на кінець речення.

б) з вісьмома підрядними:

- *Что либо о ннѣ видимъ [,] и е(ст) явѣ, кто тому виновенъ невозможно познати [,] но ни щитати требѣ (!) то токмо, яко король наиясниѣшии [,] ранѣ раздражати не хоче(тъ) [,] гдѣ своєю млстію [,] аки врачевствомъ исцѣленіе видитъ [,] яко же слнце благихъ и зли(х) освѣщае(т) [,] тако налучшіи мона(р)ха [,] егда гражданъ сохраняетъ кро(т)кихъ и сопротивни(х) прощае(т) [:] прощае(т) же симъ о(б)разомъ [,] егда преизлишное дѣло достойное казни [:] твердою по семъ вѣрою [,] за о(т)чество во(з)дае(тъ) [,] кто работою [:] (Гисторія, 2001, с. 108).*

Це період з трьома граматично-структурними ознаками: звичайно ж, багатоступеневою підрядністю, трьома антиципаційними підрядними частинами (першою, другою та п'ятою), парними сполучними засобами – *яко... тако...* . Цікавими є тут і другорядні ознаки. Крім звичайної внутрішньорядкової гомеотелевтонної рими *освѣщае(т)... сохраняетъ... прощае(т) [:] прощае(т)...* (можливо, ще й *во(з)дае(тъ)*, коли припустити, що слово могло наголошуватися за польським зразком *во(з)дае(тъ)*), на початку періода бачимо вишуканий прямий синтаксичний паралелізм – риторичну фігуру *антаподозис*: *Что либо о ннѣ видимъ [,] и е(ст) явѣ, кто тому виновенъ невозможно познати [,]...*

Наступні приклади теж із впевненістю можна назвати періодом (три основні ознаки):

- *Нѣци повѣствую(тъ) [,] яко нарочно Хмельніцкій остави козацкое войско [,] ибо не во всемъ ему козаки повинуватися начинаху [,] ниже о(т) воин из ляхами пристаху хотяху [:] (Гисторія, 2001, с. 131).*

Тут чітко простежується послідовна підрядність, підрядних частин

нараховуємо три: *Нѣци повѣствую(тъ) [.] яко., або., ниже...* Присудок підрядної частини *хотяху* винесено в абсолютний кінець періода, а підмет *Нѣци* з головної частини – в абсолютний його початок. Можна зауважити внутрішню риму, створену гомеотелевтоном (*начинаху ... пристаху хотяху*).

- *Егда зміи вселука* вселукавіи (!) о(т)торже третю ча(ст) звѣздъ изъ церкви православной [.] аки з тверди нбснои, и восхотѣ вринуты во адову пропа(ст) (!) [.] тогда смуты нѣкія архіерея [.] в Литовской странѣ, не боящася Бга [.] иже дрождія суетні(ы)я** славы опившееся [.] нио(т)куду неимуція нужди [.] о(б)разомъ блгочестія ходяще о(т) рекшеся православно апостолскія католическія вѣри [.] соборъ со(б)раша в Брестю Литовскомъ [.] и на томъ соборѣ бѣ митрополитъ Михаилъ Рагоза (!) [.] Ипатіи Протопупронніи Владимирецкіи [.] и Брескіи [.] Кирилъ Терлецкій, ексархъ луцкій, острожкій, ермогенъ, полоцкій и витевскій, Іванъ Гоголь, епископъ пинскій и туровскій, Діонисій, хелмскій и безскій (Гисторія, 2001, с. 55-56).*

У цьому періоді лише двоступенева підрядність, однак перша підрядна частина є випереджувальною, а друга розриває структуру речення, уклінюючись у головну частину. Третя структурна ознака періода – парні сполучні засоби: *Егда... тогда...* Присутня тут також риторична фігура повтору паронимазія (що полягає в уживанні однокорених слів): *вселука* вселукавіи*.

Наведений нижче приклад демонструє, як усі три підрядні частини розбивають структуру речення. Окрім того, присудок (точніше, його основну, смислову, частину) винесено в кінець періода, і також є пара сполучних засобів:

- *А темъ временемъ козаки лядскіе взяша со а(р)матою шанци [.] в нихъ же ляховъ изсѣкоша [.] також де и ездніе хорогви [.] полкъ сандоми(р)скіи [.] и Виговского каштелянъ [.] полкъ волинцевъ з Киселемъ [.] и Та(р)носкій з Ка(р)ховскимъ [.] не токмо о(т) козаковъ погибе [.] и сами(хъ) посѣкоша в тои брани [.] егда всѣхъ ноцъ покрила мракомъ [.] абіе воста страхъ, трепе(т) между ляхами во обозѣ [.] аки бы гетьмани побѣгоша [.] и что имѣяху в ступни(мъ) боемъ [.] воспятъ ити подѣ Константиновъ [.] то начаша з обозу **утѣкати** [.] (Гисторія, 2001, с. 88).*

У наведеному нижче прикладі шість підрядних частин, одна з них постпозитивна (перша) й одна (друга) розбиває структуру речення. На кінець речення винесено присудок. Присутня також внутрішньорядкова рима, утворювана гомеотелевтоном *мали – сподѣвали, пророковаху – имѣяху* та парними сполучними засобами *тако... яко*:

- *В то время Хмелнѣцкіи со(б)равшася с воинствомъ [,] поиде [,] и ста на Каплища(хъ) [,] егда возвратишася козацкіе воинства [,] Кривоносъ о(т) Каменца-Подолского [,] а Коло(т)ка о(т) Олики [,] поиде Хмелнѣцкій [,] и подѣ Пилявою, мѣстечкомъ, ста обозомъ [,] гдѣ и ляховѣ прииде шес(т)деся(т) тысячъ до бою [,] а слугъ военныхъ бѣ при нихъ утрое [,] всѣ же ти избирахуся, яко на веселіе о(т) злата [,] о(т) сре(б)ра [,] па(р)чи и поклери [,] ронди [,] фор(д)и [,] бунчуки [,] ша(б)лѣ и панцери [,] намети [,] столи о(т) сре(б)ра и креденци дорожные мали [,] а того нѣгдися не сподѣвали же мѣли с козаками на гунки [,] и рядна помѣняти [,] якыи Ф(р)има(р)къ треба было самому Бгу приписовати [,] понеже ляхи [,] тако собѣ пророковаху [,] яко козаковѣ плѣтми розгнати имѣяху [,] (Гисторія, 2001, с. 86).*
Аналогічні характеристики (крім ритмізації римою) маємо у наступному періоді:
- *Свѣдителя Бга призываемі [:] яко о(т) услугъ повиннихъ не о(т)ступаемъ ни на одинъ палець [,] же насъ велможніи каштеляні Краковскіи [,] и за порогами безпечнихъ не оставляетъ жити [,] albo вѣмъ во(б)равши воинство преслѣдуетъ [,] донелѣ же не погубить и мя и родъ козацкіи [:] тако великое воинство со(б)равши [,] ище(тѣ) неповинной крови [,] для чого о(т) великой нужди невѣдуще что творити мусѣлисмо у кримского хана [,] тому противу злomu [,] при бѣжища просити [,] отколь помстою Бжиею [,] и сирое ведле сухою мусѣль огонь попалити [,] начало злomu albo вину толикому убійству кому написати [,] Бжію суду оставляемъ [:] (Гисторія, 2001, с. 82)*
- послідовна підрядність двох перших підрядних частин, четверта частина розбиває третю, п'ята частина – антиципаційна.
Інші приклади мають дві ознаки. Це велика кількість підрядних частин і винесення присудка в абсолютний кінець періода:
- *Убачъ кождіи русине [,] Украины ма(т)ки твоєї снє яко Бгъ тебе любить [,] же ты з лядской неволѣ висвободивши [,] далъ тебе Полскую землю в кори(сть) [:], яко жидомъ Землю Ханааню [,] з которой ото(б)равши ужи(т)ковѣ уже нача(т)ки [,] даждъ славу Бгу [,] и далиѣ при помощи Бжои поступиаи [,] часъ и время угодно [,] albo вѣмъ по той побѣдѣ на(дѣ) ляхами [,] воиско козацкое подѣ Бѣлюю Це(р)ковѣ потягнувши [,] з Хмелницкимъ размишало (!) долго [,] яким концемъ ляхомъ пѣснь початую кончити [:] (Гисторія, 2001, с. 79).*
У реченні шість підрядних частин, розташованих послідовно. Присутня також другорядна ознака – гомеоптотонна рима *русине – снє* (зрозуміло, що останнє слово скорочене й має читатися як *сине*).

- *Бгъ же запиная и лукавихъ в коварствѣхъ [,] о(б)рати и постави [,] яко же бѣхъ вѣсно в неи(з)слѣдимомъ совѣтѣхъ [,] або видѣвъ Хмелнѣцкыи [,] аще и прежде знающе [,] в кїи конецъ татаре дають ему помощь [,] яко своя болѣе ищю(т) користи [,] о(т) обо ю страну [,] нежели християномъ добра хощу(т) [,]* (Гисторія, 2001, с. 153) – послідовна підрядність п'яти частин.
- *И так ся роспустили [,] же воевати и забыли [,] а нѣмъ другїи зброи зошаровавъся волѣвъ утѣкати [,] нежели до меча хватавъся [,] о чомъ Хмелницкїи почувши [,] жаляше тако до(б)рого пна [,] но маючи часъ погоднїи [,] кривду козацкую на ляховъ о(т)мстити [,] якобы не знаючи о королевскои сме(р)ти [,] кривди України [,]* (Гисторія, 2001, с. 80) – три підрядні частини, друга препозитивна; окрім того, дві гомеотелевтонні внутрішньорядкові рими.

Як бачимо, період – досить рідкісна синтаксична конструкція літопису Г. Граб'янки. Головна його структурно-граматична характеристика в пам'ятці – багатоступенева підрядність, яка зазвичай поєднується з випереджувальною позицією підрядних частин та висуненням присудка в абсолютний кінець періода, уживанням попарних засобів сполучення частин, поєднаних підрядним зв'язком. Трапляється також і розбиття підрядними структури речення, один раз – винесення підмета на початок конструкції. Серед другорядних рис найчастіше можна зауважити створення внутрішньорядкової рими повторенням однакових дієслівних закінчень (гомеотелевтон), є один випадок повторення іменникових закінчень (гомеоптотон), прямого синтаксичного паралелізму (антаподозис) та вживання однокореневих слів (парономазія).

Період у літописі, як і в будь-якому тексті – писаному чи мовленому, змушує адресата весь час, аж до кінця цієї синтаксичної структури, напружувати увагу, стежити за розвитком змісту й ніби передчувати закінчення думки адресанта. Водночас метою винесення головного члена речення – присудка у прикінцеву позицію є надання йому виразнішої смислової акцентуації, і, таким чином, зміст усього висловлювання стає зрозумілим лише після виголошення останнього слова. Граб'янка найчастіше не задовольняється утворенням періода за структурно-граматичними правилами, він ритмізує цю конструкцію, оздоблює її риторичними фігурами.

Отже, періоди в «Дѣйствїях презѣльной... брани...» є вишуканою стилістичною окрасою, а не типовим явищем. Відтак це дає нам змогу зробити висновок, що автор літопису, хоча й знав, що таке період, і умів його утворити, однак обрав не періодичний, а дещо інший стиль оповіді.

Парадоксально: наш аналіз доводить, що риторична організація пам'ятки не викликає сумніву (Герашенко, 2008, 2013; Герашенко – Панасенко, 2009), однак саме в синтаксисі одне з риторичних учень – учення про період – не набуло широкої практичної реалізації з боку літописця.

ЛІТЕРАТУРА

- АРИСТОТЕЛЬ: *Риторика*. In: Античные риторики. Под редакцией А. А. Тахо-Годи. Москва: Издательство МГУ, 1978, с. 15 – 325. Без ISBN.
- ГЕРАЩЕНКО, О. М.: *Літопис Григорія Граб'янки: пошук риторичних взірців*. In: Лінгвістичні дослідження: Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Харків, 2008, 26, с. 3 – 7. ISSN 2312-0665.
- ГЕРАЩЕНКО, О.: *Фігури слів у житомирському списку літопису Григорія Граб'янки*. In: Slavica Nitriensia, 2, 2013, 1, s. 23 – 32. ISSN 1338-7464.
- ГЕРАЩЕНКО, О. М. – ПАНАСЕНКО, Л. О.: *Фігури думки в літописі Григорія Граб'янки*. In: Лінгвістичні дослідження: Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Харків, 2009, 28, с. 8 – 12. ISSN 2312-0665.
- Гисторія о началѣ проименованія козаковѣ*. In: Гисторія Г. Граб'янки. Літопись краткій... Упорядник В. М. Мойсієнко. Житомир, 2001, с. 39 – 174. ISBN 966-7057-97-6
- ДЕМЕТРИЙ: *О стиле* In: Античные риторики. Под редакцией А. А. Тахо-Годи. Москва: Издательство МГУ, 1978, с. 237 – 285. Без ISBN.
- КАШЕТА, Ю. В.: *Засоби передачі слов'яноноруського синтаксису у «простій» мові варіанта Мелетія Смотрицького (риторичний аспект)*. Дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2007. 221 с.
- РЕВЗИНА, О. Г.: *Структура словообразовательных полей в славянских языках*. Москва, 1969. 153 с. Без ISBN.

RUSKÁ LITERATÚRA A KULTÚRA V ČASOPISE *THE LITTLE REVIEW II*

Mária Kiššová

RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE IN THE JOURNAL *THE LITTLE REVIEW II*

Abstract: The paper focuses on Russian literature and culture in the American modernist journal *The Little Review*, specifically on the volumes 3, 4 and 5 (issues 1/1916 – 12/1919). The article is related to the study published in *Slavica Nitriensia*, 1/2013, p. 31 – 44, which surveyed first two volumes. It follows the objective of the previous study and brings an overview of references to Russian literature and culture in the journal. The survey does not aim exclusively at listing the sources but it attempts to show and depict characteristic features of the references in the journal and compares them with findings published in the previous study.

Key words: *The Little Review*, modernism, Russian literature and culture.

Štúdia *Ruská literatúra a kultúra v časopise The Little Review II* nadväzuje na príspevok publikovaný v časopise *Slavica Nitriensia* (Kiššová, Mária: *Ruská literatúra a kultúra v časopise The Little Review*. In: *Slavica Nitriensia*, 1/2013, s. 31 – 44). Zatiaľ čo v predchádzajúcom texte sme venovali pozornosť informáciám, zmienkam a odkazom na ruskú literatúru a kultúru v prvých dvoch ročníkoch amerického časopisu *The Little Review*, teraz pozornosť upriamujeme na ďalšie tri ročníky. Špecificky sa venujeme číslam 1/1916 – 12/1919. Príspevok nie je iba snahou o zmapovanie referencií viažucich sa na ruskú kultúru, má za cieľ i porovnanie s predchádzajúcim obdobím a zasadenie zmienok o ruskej literatúre a kultúre do širšieho obsahového zamerania časopisu.

1 *The Little Review* – kritické pohľady na umenie modernizmu

V porovnaní so všeobecným smerovaním prvých dvoch ročníkov badáme v nami skúmanom období viacero črt kontinuity, no nachádzame aj rozdiely, a to tak obsahové, ako i formálne.

Kontinuita sa prejavuje rôzne. V prvom rade celkovým zameraním časopisu, ktoré vnímame v kontexte myšlienkových prúdov literárnej a umeleckej moderny. Charakteristika časopisu v čísle 4/1916 je veľmi

výstižná a zachytáva ústrednú „filozofiu“, ktorú jeho hlavná editorka Margaret Andersonová (1886 – 1973) udržiavala počas celého sledovaného obdobia. Časopis je v danom čísle opísaný takto: “THE LITTLE REVIEW is a magazine that believes in Life for Art’s sake, in the Individual rather than in Incomplete People, in an Age of Imagination rather than of Reasonableness; a magazine interested in Past, Present, and Future, but particularly in the New Hellenism; a magazine written or Intelligent People who can Feel, whose philosophy is Applied Anarchism, whose policy is a Will to Splendour of Life, and whose function is – to express itself” (s. 48). V charakteristike sa dôraz kladie na známy koncept *Umenia pre umenie*, cítime v ňom nietzscheovský podtext sily jednotlivca a takisto ozveny anarchizmu, v tomto prípade modifikovaného z podoby politickej do podoby umeleckej/poetickej. Čo sa týka Nietzscheho a jeho filozofického vplyvu, v časopise bolo publikovaných viacero priamych citátov filozofa: “In the end one experienceth nothing but himself” (2/1916, s. 28); “The feeble and poor in spirit must not be allowed to judge life” (3/1916, s. 10); “I know – for I have experienced it and perhaps experienced little else! – that art is of more value than truth” (3/1916, s. 26); “I promise the advent of a tragic age: the highest art in the saying of yea to life, “tragedy.” Will be born when mankind has the knowledge of the hardest, but most necessary of wars, behind it, without, however, suffering that knowledge” (5/1916, s. 23) a ďalšie. Podotýkame ale, že Nietzsche nebol jedinou citovanou osobnosťou. V čísle 2/1916 napríklad nachádzame citát – opäť mu ale nechýba istý revolučný nádych – známeho írskoho dramatika G. B. Shawa (1856 – 1950): “When all the world goes mad, one must accept madness as sanity, since sanity is, in the last analysis, nothing but the madness on which the whole world happens to agree” (s. 8). V podobnom duchu sa nesie i citát talianskej herečky Eleonory Duseovej (1858 – 1924) z toho istého čísla: “To save the theatre, the theatre must be destroyed, the actors and actresses must all die of the plague. They poison the air, they make art impossible. It is not drama they play, but pieces for the theatre. We should return to the Greeks, play in the open air; the drama dies of stalls and boxes and evening dress, and people who come to digest their dinner” (s. 31).

Myšlienky anarchizmu, vzbury, protestu, vzdoru a rebelantstva sa s časopisom esenciálne spájajú. Dovoľme si tvrdiť, že práve táto charakteristika sa javí ako zásadná. Na anarchizmus – tak politický, ako i umelecký – nachádzame v sledovanom období viacero odkazov. Pozri napríklad článok Margaret C. Andersonovej *Art and Anarchism* (1/1916, s. 3 – 6), v ktorom editorka porovnáva politický anarchizmus s umením a spomína i Jeana Cronesa, prívrženca Luigiho Galleaniho (1861 – 1931), talianskeho anarchistu aktívneho v USA. V tom istom čísle je dokonca publikovaná časť z listu Jeana Cronesa

(s. 26 – 27). V čísle 4/1916 je diskusia o anarchizme, doplnená o reakcie čitateľov (pozri s. 42 – 43).

Nekonformný a radikálny prístup sa prejavuje i v čísle 10/1917, kde na strane 4 čitateľ nachádza iba čistú stranu, ktorej dominuje nadpis *The War*. Pod tým je vyjadrenie Margaret Andersonovej: "(We will probably be suppressed for this.)"

Od čísla 2/1917 sa na obálke objavuje charakteristika, ktorá takisto podčiarkuje radikálnosť časopisu:

THE LITTLE REVIEW

A MAGAZINE OF THE ARTS

MAKING NO COMPROMISE WITH THE PUBLIC TASTE

Z hľadiska obsahovej náplne sa v sledovanom období ako najmarkantnejšie javia nasledujúce aspekty.

V časopise zverejňujú svoje práce klasici literárnej moderny a významní autori zo začiatku 20. storočia. Pomerne veľký priestor dostáva írsky spisovateľ James Joyce (1882 – 1941). V čísle 10/1917 po citáte z jeho románu *A Portrait of the Artist as a Young Man* (s. 7) nasleduje recenzia venovaná knihe (autor jh, s. 8 – 9) a literárnokritický článok (Andersenová, s. 9 – 10). Andersenová zdôrazňuje nadčasovosť Joyceovho románu a píše, že dielo je zaujímavé estetickým vyjadrením obsahu: "The interest in the Portrait is in the way its aesthetic content is presented" (s. 9). K danému románu sa vyjadroval aj Ezra Pound (pozri 4/1917, s. 7 – 8). James Joyce v časopise zverejňoval na pokračovanie svoj kontroverzný román *Ulysses*. Prvá časť niekoľkomesačnej série bola publikovaná v čísle 11/1918.

Medzi ďalších významných anglofónnych spisovateľov, ktorí dostávajú priestor v *The Little Review*, patria T. S. Eliot (napríklad básne vo francúzštine v čísle 3/1917, s. 8 – 10); W. B. Yeats (*Seven Poems: To a Young Girl, A Song; Solomon to Sheba; The Living Beauty; Under the Round Tower; Tom O'Roughley; A Prayer on going into my House*; 6/1918, s. 1 – 5); Wallace Stevens (*Architecture for the Adoration of Beauty*, s. 10 – 12; *Nuances of a Theme by Williams*, s. 12; *Anecdote of Canna*, s. 13; 8/1918) a William Carlos Williams (*The Ideal Quarrel*, 8/1918, s. 39 – 40).

Časopis reflektoval rôzne podoby vtedajšieho umeleckého diania. Nachádzame v ňom informácie o imaginizme (Fletcher, John Gould: *Three Imagist Poets*, 3/1916, s. 30 – 35) či anonymný článok o fingovanom literárnom smere nazvanom Spectricism (*The Mysterious Poets*, 9/1917, s. 28) a jeho odhalení (*The Reader Critic; The Hoax of the „Spectrics“*, jh, 2/1918, s. 53 – 54).

Medzinárodný charakter časopisu sa naďalej zdôrazňuje, možno dokonca ešte viac ako v prvých dvoch ročníkoch. Do istej miery to súvisí s príchodom a pôsobením Ezru Pounda, ktorý sa od čísla 1/1917 stal zahraničným

editorom časopisu. Vďaka nemu sa rozširuje priestor venovaný francúzskej literatúre, číslo 10/1918 je takmer celé venované francúzskym básnikom (Jules Laforgue, Tristan Corbiere, Arthur Rimbaud, Remy de Gourmont a iní; pozri obsiahlu štúdiu Ezru Pounda *A Study of Modern French Poets*, 10/1918, s. 3 – 61). Francúzskej tvorbe (v origináli) je venovaný priestor i v iných číslach (de Bosschere, Jean: *Ulysse Fait Son Lit*, 5/1916, s. 6 – 8; de Bosschere, Jean: *L'Offre de Plebs*, 7/1916, s. 12 – 15; Le Monier, J. H.: *Note upon Fashions in Criticism*, 6/1918, s. 24 – 25; Spire, Andre: *Two Poems*, 7/1918, s. 13 – 16). Z početných prekladov a článkov iných proveniencií svetovej literatúry môžeme spomenúť preklad zo španielskej literatúry *The Man who Resembled a Horse* (Martinez, Rafael Arevalo, 8/1918, s. 42 – 53, preklad W. C. Williams), prípadne preklad čínskej poézie *Chinese Poems* (Li Po, 7/1917, s. 3 – 4, preklad Sasaki a Maxwell Bodenheimerovci).

Niekoľko čísel časopisu bolo v sledovanom období monotematických, respektíve venovaných vybranej umeleckej osobnosti (Mary Garden, 9/1917; Henry James, 4/1918, Ezra Pound, 7/1918, Remy de Gourmont, 10 – 11/1919).

Rôznorodosť žánrového spektra sa prejavovala v publikovaní častí divadelných hier, prípadne kratších divadelných textov (Symons, A.: *Barbara Roscorla's Child (A Play in One Act)*, 6/1917, s. 25 – 36; Yeats, W. B.: *The Dreaming of the Bones*, 9/1919, s. 1 – 14).

Umelecký ráz periodika sa odzrkadľoval v početnom výskyte ilustrácií: číslo 7/1917, s. 17 (Max Weber), s. 20 (Walt Kuhn), s. 21 (Marie Laurencin), s. 24 (Henri Gaudier-Brzeska), s. 25 (Andre D. Segonzac), s. 28 (Arthur B. Davies), s. 29 (Wyndham Lewis), s. 32 (Jules Pascin); prípadne číslo 10 – 11/1919, s. 46, 47, 50, 51 (Edward Wadsworth); alebo 12/1919, s. 24, 25, 26, 27, 28, 29 (Stanislaw Szukalszki).

Skôr než prejdeme k samotnému výskytu zmienok a referencií týkajúcich sa ruskej literatúry, kultúry a umenia, radi by sme sa vyjadrili k praktickým aspektom publikovania časopisu a k prístupu redakcie k čitateľom.

Časopis sa od počiatku vydávania stretával s finančnými problémami (pozri Kiššová, 2013, s. 31). Aj v ročníkoch 3 – 5 redakcia apeluje na čitateľov, aby získali ďalších predplatiteľov, a poukazuje na ťažké vydavateľské podmienky, ktorým časopis čelí: "Conditions in the publishing market have been almost unsurmountable" (8/1918, s. 2); „We couldn't have an October issue, owing to our usual embarrassment about funds; so this will have to serve as a sort of October-November, though I can't put that on the cover because they tell me it would violate some new law" (7/1916, s. 21). Číslo 6/1916 dokonca vychádza s prázdnyimi stranami 1 – 13, i keď podľa reakcie anonymného čitateľa zverejnenej v ďalšom čísle sa zdá, že mnohí sa postavili k situácii chápavo a s jemnou iróniou: "I have never enjoyed any number of *The Little Review* so

much as the September. Those blank pages linked with the cosmos: space before creation. I await Prometheus" (7/1916, s. 27). Situácia bola vo všeobecnosti komplikovaná i prvou svetovou vojnou a obmedzeniami, ktoré súviseli s vojnovým konfliktom: „Before complaining that your magazine has not arrived please remember the War, Freight congestion, Government control of railroads" (2/1918, s. 64).

Otvorená kritika vojny, vyjadrenie postoja k politicky citlivým otázkam týkajúcim sa Emmy Goldmanovej a Alexandra Berkmana či zverejnenie textu neprijateľného pre cenzúru spôsobilo vedeniu časopisu ďalšie komplikácie, a to vo forme sťahovania ("We have been forced to give up our offices at 31 West Fourteenth Street because we expressed ourselves in regard to the trial of Emma Goldman and Alexander Berkman. We are moving to 24 West Sixteenth Street, where we will continue publishing *The Little Review* and running our *Book Shop*"; 3/1917), ba až pozastavenia distribúcie časopisu ("Our October number has been held up by the Postoffice because of a story by Wyndham Lewis, called "Cantleman's Spring Mate", which the Postoffice solicitor judged to be obscene"; 8/1917, s. 46).

Zaujímavá a nesmierne otvorená, ba až familiárna bola komunikácia s čitateľmi. Redakcia pravidelne zverejňovala aj ich negatívne ohlasy. Nasledujúca ukážka je z čísla 7/1916: "*The Little Review* is degenerating into the newspaper class, and has become a common beggar. It does not know how to keep its machinery out of sight. I sometimes wish I knew how to make a bomb. If I did I would be tempted to place it under *The Little Review* and blow its talk about past, present and future straight to hell" (Arthur Purdon, Livingston, Montana, s. 26 – 27). Otvorenosť redakcie sa prejavila zverejnením básní anonymného šestnásťročného čitateľa z Chicaga (pozri 2/1916, s. 38 a 4/1916, s. 43 – 44) či publikovaním inzerátu osamelého staršieho muža, ktorý hľadal husle: "Will any one who has a fairly good violin for which he has no further use please give it to us? We want to give it in turn to an old man who is lonely" (10/1917).

Za zmienku stojí taktiež vyhlásenie súťaže tvorby vo voľnom verši (*A Vers Libre Prize Contest*, 1/1916, s. 32) a zatraktívnenie priameho kontaktu s čitateľmi v podobe obchodu s knihami, ktorý bol zriadený v administratívnych priestoroch redakcie, "where you can sit by a fire and choose your books and perhaps even drink a cup of tea during your selection" (10/1917, s. 24).

2 Ruská literatúra

Pri mapovaní výskytu zmienok o ruskej literatúre a kultúre, resp. priamych odkazov na ruský kontext sa budeme pridržovať kategorizácie, ktorá bola použitá aj v predchádzajúcej štúdií. Ide tu nielen o dôvody pragmatické, ale aj o snahu naznačiť jasné rozdiely v sledovaných obdobiach.

2.1 Recenzie ruskej literatúry

Počas sledovaného obdobia troch ročníkov *The Little Review* boli zverejnené dva texty, ktoré je možné charakterizovať ako recenzie. Zaujímavé je, že obe sa venujú totožnému dielu.

Prvý text bol publikovaný v čísle 2/1916 (s. 9 – 10) a pripravil ho Alexander S. Kaun. V recenzii pod názvom *A Sorrowful Demon* sa venuje dielu *Hrdina našich čias* (*A Hero of Our Time*). Kaun charakterizuje Lermontova (autora) i protagonistu románu typicky nietzscheovským jazykom. Recenzia Nietzscheho priamo spomína a uvádza alúziu na jeho dielo *Ľudské, príliš ľudské* (1878). Kaun v prvom rade vníma Lermontova ako cudzinca, prirovnáva ho k bytosti z inej planéty, ktorú spoločnosť neakceptuje a ani nemôže akceptovať, lebo nedokáže prijať jeho výnimočnosť. Kaun píše: "Society organism cannot digest a foreign element. We are too local in our terrestrial standards to tolerate an individual who is made not of the same stuff that we are made of. Lermontov was a child of a different planet who fell upon our earth by some crude mistake, doomed to chafe twenty-six years among humans" (s. 9). Na opísanie vzťahu Lermontov – spoločnosť Kaun používa veľmi expresívny, miestami až patetický jazyk, keď hovorí: "Men hated and feared him; women hated and loved him" (s. 10). Autor *Hrdinu našich čias* je pre Kauna večným rebelom, ktorý okolo seba vytvára atmosféru tragédie. Protagonistu Pečorina následne vidí ako autobiografický portrét Lermontova a v spojení s už spomínaným aspektom výnimočnosti ho doslova charakterizuje ako „nietzscheovský“ zjav: "Pechorin, the hero of his autobiographical sketches collected in *A Hero of Our Time*, is the first Nietzschean in literature" (s. 10). Pocit odcudzenia, ktorý sa v postave prejavuje, je prirodzene spätý s ďalšími charakteristikami Pečorina, ako napr. málovravnosť a osamelosť: "Pechorin does not talk much; he is not made of that stuff. He neither repents nor seeks atonement" (s. 10); "Pechorin is eternally alone. Those who approach him are scorched with his unhuman flame" (s. 10). V konečnom dôsledku sa jeho atribúty prejavujú v démonizácii, no ako Kaun zdôrazňuje, Pečorin nie je klasickým luciferom ani faustovským Mefistofelom Goetheho, ale démonom esenciálne ruským, ktorého známu podobu stvárnil Mark Antokolskij (1840 –

1902) vo svojej soche Mefistofela (1884). Démon, ktorého Pečorin a i samotný Lermontov zosobňujú, je podľa Kauna melancholickou, trúchlivou bytosťou, v ktorej absentuje zákernosť a zlo spájané s archetypálnymi postavami diablov: "I once called Lermontov a sorrowful demon. Not a Lucifer, not a Mephistopheles, but a Russian demon, as the sculptor Antokolsky conceived him. Lermontov-Demon-Pechorin, a quaint superman, neither god nor devil, a pluralistic being, a combination of cruelty and compassion, of contempt and sympathy, of cynicism and sentimentalism, of the loftiest and the basest, of the unhuman and of the human-all-too-human" (s. 10).

Článok Johna Grimesa *Splendid Isolation* (5/1916, s. 15 – 17) interpretuje Pečorina z iného uhla pohľadu, a to ako byronovskú postavu. Prirovnanie k anglickému romantickému rebelovi Byronovi však nevyznieva pre Lermontovovho hrdinu pozitívne. *Hrdina našich čias* podľa Grimesa v čitateľovi nevyvoláva emócie takej intenzity, ako sa to deje pri literárnom zážitku s Byronom: "Pechorin wins from us not honest hatred but contempt. One searches the book for an honorable impulse upon his part. He is a washed-out Byron; a pale Don Juan" (s. 16). Na druhej strane ale Grimes priznáva i rozmery autentickosti lermontovskej postavy: "Lermontov is honest. He makes no attempt to vindicate a type. He must have smiled at his hater, his incipient superman, shattered by fate casting himself on the bare steppe after killing his horse in a mad ride, and clasping his body to the earth" (s. 16).

2.2 Recenzie publikácií o ruskej literatúre a spisovateľoch

V danom období nebola zverejnená ani jedna recenzia, ktorá by sa špecificky venovala publikácii o ruskej beletrii. Na pomedzí recenzie a literárnokritického článku je text *Rossica* od Alexandra S. Kauna (pozri podkapitolu 2.3), ktorý sa okrem iných beletristických diel venuje i publikácii o F. M. Dostojevskom.

2.3 Esejistické články o ruskej literatúre

V priebehu troch ročníkov bol v časopise venovaný priestor jednému literárnokritickému článku o ruskej literatúre, ktorý je ale možné vnímať tiež ako obsažnejšiu recenziu. Na pomedzí recenzie a kritického štúdia sú i texty, ktoré sme zaradili medzi recenzie a venujú sa Lermontovovmu dielu *Hrdina našich čias* (pozri 2.1).

Literárnokritický článok bol publikovaný v čísle 3/1916 (s. 36 – 39) pod názvom *Rossica*. Alexander S. Kaun v článku približuje tvorbu v ruskom jazyku, a to od viacerých autorov, akými sú napr. Gogol: *The Mantle and other stories*, Korolenko: *Makar's Dream and other stories*, Kuprin: *The Duel* a *The Ri-*

ver of Life, Gorkij: *Twenty-six Men and a Girl*, Soloviov: *Dostoevsky*, Doroševič: *The Way of the Cross*. Tvorbu Korolenka skúma cez optiku dlhých rokov exilu, ktoré bol autor nútený stráviť na Sibíri. Touto tragédiou človeka – spisovateľa je tvorba Korolenka síce existenciálne poznamenaná, no ako Kaun uvádza, čitateľ necíti nechúť, vzdor, obviňovanie osudu a smútok, ale skôr nachádza láskavý podtext odpustenia: “His stories are not idylls, yet they smile; he deals with tragedies, describes horrifying situations, but he bears no ill feeling for the universe, he loves it with all its evils and follies, loves it with that keen understanding which spells forgiveness” (s. 37). Pri porovnaní Korolenka a Gorkého sa mu tvorba prvého menovaného javí ako čistejšia a presvedčivejšia: “Gorky’s philosophy may appeal to us who have drunk from the waters of Zarathustra, but Korolenko’s art is purer, free from preaching, and hence more convincing” (s. 37). Ku knihe E. Soloviova venovanej Dostojevskému a k Doroševičovmu dielu *The Way of the Cross* sa Kaun stavia pomerne kriticky. V prípade prvej publikácie sa nestotožňuje s pohľadom na Dostojevského ako na hlásateľa pokánia, pilier cirkvi a autokracie: “Mr. Soloviev presents the accepted view of Dostoevsky as the preacher of repentance and atonement, the retrograde, the pillar of church and autocracy” (s. 38). Takáto interpretácia je podľa Kauna značne obmedzená a skresľuje bohatosť ideovej roviny Dostojevského poetiky. Doroševičovu knihu opisuje ako dielo lokálneho významu, ktorého preklad neprispieva k zásadnému obohateniu či novému pohľadu na dianie v Rusku: “But there is no reason under the sun to translate his reportorial impressions of the war fugitives, written for a Moscow daily paper. Their value is purely local” (s. 38).

2.4 Preklady umeleckých textov ruskej literatúry

V danom období nebol v časopise *The Little Review* zverejnený žiadny preklad ruskej literatúry.

2.5 Iné informácie viažuce sa k ruskému kultúrnemu a literárnemu kontextu

Pod inšpiráciou ruským kultúrnym kontextom rozumieme referencie týkajúce sa ruského prostredia (napríklad dej odohrávajúci sa v Rusku, ruské postavy, drobné zmienky o spisovateľoch a podobne). V niekoľkých číslach *The Little Review* vychádzala na pokračovanie beletristická séria *Imaginary Letters* Wyndhama Lewisa (2/1917, s. 22 – 26; 11/1918, s. 23 – 30; 12/1918, s. 50 – 54). Séria imaginárnych listov odkazuje na ruský kontext, keďže listy píše William Bland Burn svojej manželke Lýdii priamo z Petrohradu. Burn

sa okrem iného v liste datovanom februárom 1917 zmieňuje, ako je ruská literatúra a kultúra vnímaná (v jeho interpretácii) povrchnými Angličanmi. Pre Angličanov je ruská literatúra podľa neho nudná, nedokážu precítiť jej ideovú a poetickú hĺbku: "In London you will meet few educated people who really are willing or able to give Russian books their due. Dostoevsky is a sort of epileptic bore, Tolstoi a wrong-headed old altruistic bore, Gorky a Tramp-stunt bore, Turgenev, even, although in another category, in some way disappointing" (2/1917, s. 24 – 25). Burn je ale ruskou literatúrou očarený, špecificky odkazuje na Turgeneva a Gogoľa: "How I look on these Christian Demi-Gods of the Steppes you know. I like them immensely. I would give all English literature back to Shelley's songs. Turgenev's *Sportsman's Sketches* enchant me. They are so sober, delicate and nonchalant; I can think of nothing like them. Gogol's *Tchichikoff* is back with Cervantes, Sterne and the others who have not any peers in these days" (s. 25).

Trochu zmenenú optiku pohľadu na ruskú literatúru nachádzame v ďalšom príspevku danej série. V tomto prípade opäť píše William Bland Burn svojej manželke, no jeho pohľad je pomerne kritický, čo sa týka ruskej literatúry posledných rokov. Píše, že všetky ruské knihy publikované za ostatných dvadsať rokov boli preňho sklamaním. Pozitívne sa ale vyjadruje o Gorkom: "All Russian books of the last twenty years that I have read are disappointing. "Sanine" is certainly not as good as Bernard Shaw. Gorky was the best figure – and writer" (11/1918, s. 23). Ruská literatúra vďačí podľa Burna svojej veľkosti ani nie tak géniom spisovateľov ako materiálu, ktorým spisovatelia operujú. Inými slovami, akási „esencia ruskej reality“ prináša podnety, stimuly a inšpiráciu, ktoré sa pretavujú do nadčasových diel: "They are better books than any Englishman or Frenchman wrote at the same period, not because genius varies, but because the material was richer and realer. When an Englishman was given a similar chance, we threw up Shakespeare" (s. 24). Samozrejme, v diskusii Burn nemôže nespomenúť Dostojevského, ktorý podľa neho cez svoje texty odhaľuje skúsenosť epileptika, prenasledovaného vlastnými duševnými „besmi“ i „besmi“ politickými. Jeho skúsenosť ale presahuje čas, je všeludská, „ruský človek“ v nej objavuje sám seba. A tak Burn v liste konštatuje: „Dostoevsky was a peculiarly untidy and undependable freak of vastness, addicted to interminable nervous seizures (do you know of a single story of his in which there is not an epileptic?), drunken to a fault; but a true god. And every Russian I meet I know to be a posthumous fragment of my favourite Deity" (s. 25).

V ďalšom liste (z 28. apríla 1917) Burn priamo reaguje na aktuálnu situáciu v Rusku a venuje sa otázke uzatvorenia separátneho mieru. Politicky vidí revolúciu v negatívnom svetle, nie ako udalosť prinášajúcu pokoj, ale práve

naopak – ako udalosť podnecujúcu ďalšie komplikácie a predĺženie konfliktu: „So my opinion of this precious revolution is that it will give the War a year or two more life and accelerate, after the war, the cheapening and decay of the earth” (12/1918, s. 52).

Autorom ďalšej série príspevkov, v ktorých sa objavujú ruské postavy, je Ford Madox Hueffer (*Women and Men, I.; Honour*, 9/1918, s. 17 – 31 a *Women and Men, II., The Literature of the Subject*, 11/1918, s. 36 – 51). Ide o úsmevne ladené texty, v ktorých sa F. M. Hueffer zamýšľa nad vzťahmi medzi mužmi a ženami. V prvom z dvoch textov opisuje, ako slečna W. (spisovateľka) oslovila pána H., ktorý je zároveň aj známym Huefferom, aby napísal predslov k jej zbierke poviedok. Jej očakávania chvály sa nenaplnili, a tak sa slečna W. rozhodla predslov jednoducho nezverejniť. Celá situácia nadobudla pre aktérov až absurdné rozmery, najmä po tom, čo sa do nej zaangažoval ešte i riaditeľ vydavateľstva, v ktorom mala zbierka vyjsť. Autor sa snaží danú situáciu pochopiť nezaujato; jeho cieľom nie je vidieť správanie slečny W. ako ženský rozmar a roztopašnosť, ale skôr ako excentrický prípad márnomyseľnosti. Samozrejme, čitateľ vníma za takouto snahou Huefferov ironický úsmev. Zážitok so slečnou W. bol pre neho impulzom k tomu, aby sa bližšie venoval otázke, či existujú rozdiely medzi mužmi a ženami (povahové, osobnostné), a ak áno, aké sú: “I have been trying to get at what, if any, is the essential difference between man and woman in the life that to-day we lead in Western Europe” (9/1918, s. 21). Svoj prehľad názorov začína Shakespearom, bardom anglickej literatúry. Hueffer ho považuje za prvého autora, ktorý vyjadril, že ženám sa nedá veriť (špecificky v hre *Cymbelin*). Na názor na ženy, respektíve na vzťahy medzi mužmi a ženami sa pýtal i ruského exulanta (grófa P.), distingvovaného muža, ktorý prežil v Anglicku niekoľko rokov, takže jeho názor nestranného pozorovateľa citových vzťahov by mohol mať zásadný význam. Gróf sa priznáva, že po príchode do Anglicka bol najprv užasnutý poriadkom a usporiadanosťou britských manželstiev. Manželky Britov, ktoré spoznával, boli verné a oddané a všetci manželia boli verní a milujúci: “... upon his first coming to England he was immensely impressed with the orderliness and regularity of British marital conditions. All wives were faithful and devoted, it appeared to him, and all husbands faithful and attached” (s. 24). Grófov pohľad na britské manželstvá trval iba rok. Následne sa začalo ukazovať, že pod povrchom všetkých – na prvý pohľad ideálnych – manželstiev je šokujúca realita. Ako zdôrazňuje Hueffer, šokujúca dokonca i pre jeho ruskú myseľ: “Count P. assured me that he did not know a single household in England where beneath the surface conditions of domestic life were not absolutely appalling even to his Russian mind” (s. 25).

Do ďalšej časti série o mužoch a ženách Hueffer implementoval príbeh dvoch ruských exulantov, ktorým sa podarilo utiecť zo Sibíri. Ich príbehom ilustruje, ako sa vzťah dvoch ľudí, ktorý sa na počiatku prejavuje ako ideálny, postupne mení na ľahostajnosť, ba až nenávisť. Vzťah sa vyvinie v paradox. Dvaja ľudia sa nenávidia, no nedokážu bez seba žiť: "I could neither live with him nor without him" (11/1918, s. 37). Hueffer našiel jasné paralely medzi cestou/vzťahom exulantov a manželstvom. Odvoláva sa pritom i na názory rakúskeho filozofa Otta Weininger (1880 – 1903), známeho svojím radikálnym mizogýnnym pohľadom na svet. Konštatovanie, že podľa väčšiny mužov je povaha žien pochopiteľná menej ako ríša Mongolov, tak v konečnom dôsledku vyznieva ako prirodzená súčasť daného diskurzu: „Most men will tell you that the nature of women is vastly more incomprehensible to them than is the empire of the Mongols“ (s. 49).

Inšpiráciu ruským kontextom v podobe postavy Rusky Griškinovej, nachádzame v jednej z básní T. S. Eliota – *Whispers of Immortality* (5/1919, s. 11 – 12). Eliot pri popise zachádza až do prvkov karikatúry:

“Grishkin is nice; her Russian eye
Is underlined for emphasis;
Uncorseted, her friendly bust
Gives promise of pneumatic bliss.”

Vo viacerých článkoch časopisu sa vyskytujú odkazy na ruských spisovateľov, hlavne v kontexte komparatívnom, keď autor článku prirovnáva vybraného spisovateľa k anglofónnemu, prípadne odkazuje na ruského spisovateľa ako nositeľa istých ruských hodnôt a atribútov. V troch textoch Ezra Pounda je spomenutý Dostojevskij. V prvom (*Mr. Villerant's Morning Outburst*, 7/1918, s. 7 – 12) sa Dostojevskij stáva akýmsi reprezentantom „ruskosti“. Vo fiktívnom liste, ktorý adresuje Walter Villerant svojej láske Caroline, sa píše: “What we are told about Russians: vast humanity, brotherly love, above all, vast tolerance. All for a job lot of bottles. Note the attention to detail. In Russian fiction, in Dostoevsky, and in the next drunk you see brushing a non-extant crumb from the imaginary crease in his waist-coat. Precisely! Vast attention to detail, always detail uncorrelated with anything else. The drunk sits in his little clearing, he is enclosed by a vast penumbra of shadows, a penumbra of things dimly seen, he has infinite concern with some object still within optical focus. (Vide Dostoevsky). He has moments of phenomenal energy. At times his stride increases, he turns a corner with marvelous exactness of angle, and hits the wall six steps later. He tries to lift the policeman. He is filled with the blessings and beamings of tolerance” (s. 8).

Drobnú zmienku o Dostojevskom Pound uvádza i v ďalšom z fiktívnych listov (*Imaginary Letters V. Walter Villerant to Mrs. Bland Burn*, 6/1917, s. 14 – 17).

Tretia zmienka E. Pounda o Dostojevskom je v recenzii knihy *Tarr* od Wyndhama Lewisa. Umelecké kvality Lewisa sú prirovnávané k Dostojevskému a Pound dokonca objavuje isté aspekty Lewisovej poetiky, ktoré sa mu javia zaujímavejšie ako u Dostojevského: „He is the only English writer who can be compared with Dostoevsky, and he is more rapid than Dostoevsky, his mind travels with greater celerity, with more unexpectedness, but he loses none of Dostoevsky's effect of mass and of weight” (11/1918, s. 35).

Ďalej ruských autorov vo svojom článku venovanom Henrymu Jamesovi spomína T. S. Eliot (*In Memory*, 4/1918, s. 44 – 47). Literárnu kritiku Jamesa prirovnáva k aktivite Flauberta a Turgeneva, no zdôrazňuje, že pre Angličanov by Jamesova kritika mala znamenať viac, ako to je v skutočnosti: “For the English reader, much of James's criticism of America must merely be something taken for granted. English readers can appreciate it for what it has in common with criticism everywhere, with Flaubert in France and Turgenev in Russia. Still, it should have for the English an importance beyond the work of these authors” (s. 45). Eliot následne odkazuje na Turgeneva a Dostojevského, keď popisuje špecifickú pozíciu Američana Jamesa v Anglicku. Podčiarkuje, že status cudzinca by – podobne ako u Turgeneva – mohol byť nepochybne výhodou aj u Jamesa. Paradoxne však, konštatuje Eliot, Európania uprednostňujú predstavu Rusa v podobe Dostojevského a v prípade americkej literatúry siahnu radšej po Frankovi Norrisovi či O. Henrym ako po H. Jamesovi: “The fact of being everywhere a foreigner was probably an assistance to his native wit. Since Byron and Landor, no Englishman appears to have profited much from living abroad. We have had Birmingham seen from Chelsea, but not Chelsea see (really seen) from Baden or Rome. There are advantages, indeed, in coming from a large flat country which no one wants to visit: advantages which both Turgenev and James enjoyed. These advantages have not won them recognition. Europeans have preferred to take their notion of the Russian from Dostoevski and their notion of the American from, let us say, Frank Norris of not O. Henry” (s. 46 – 47).

Ostatnou referenciou je porovnanie Joycea s Čechovom. V jednom zo série príspevkov analyzujúcich dramatickú tvorbu írskeho spisovateľa John Rodker porovnáva hru *Exiles* s Čechovovou *Čajkou*: “The play is very romantic, poetical in a manner rare among plays. It is as fervent as the *Seagull* of Tchekhof. <...> Tchekhof got his purity of apprehension from taking people by their instincts. Joyce has done the same thing with a difference. Not

that his people have necessarily more brains, but beyond instinct the brain ramifies into obscurer delicacies" (9/1919, s. 21).

3 Iné druhy umenia

V sledovaných číslach časopisu *The Little Review* dostali istý priestor aj iné druhy umenia, najmä vďaka iniciatíve šéfredaktorky Margaret C. Andersonovej, ktorá zverejšovala svoje zážitky z koncertov, divadelných predstavení, baletu a podobne. V čísle 1/1916 Andersonová popisuje zážitok z ruského baletu (*The Russian Ballet: It Sojourns in a Strange Land*, s. 18 – 22) s hudbou Igora Stravinského a kostýmami Leona Baksta. Program zahŕňal napríklad časti *Le Spectre de la Rose*, *Soliel de Nuit*, *Cleopatre* a *Petrouchka*. Popri naznačení principiálneho významu tzv. Ballet Russe na formovanie budúcnosti baletu i hudby („Of all the Ballets presented by Diaghileff's Ballet Russe that is, to me, the most indicative of what the future is to be, so far as ballet and ballet music is concerned"; s. 18) sa Andersonová vyjadruje k aspektom predstavenia i kriticky. Na časti *Šeherezáda* sa jej nepáčilo vystúpenie Adolpha Bolma, ktorého sa odvažuje prirovnať k opici: "A tiny dressed-up monkey. The end of his leap to Zobeide's couch was most ungraceful, awkward" (s. 19).

Ďalší článok, v ktorom Andersonová spomína ruskú kultúru, je *Notes on Music, Books, and the Theatre* (7/1918, s. 28 – 31). Píše tu o. i. o umeleckom výkone Sergeja Prokofieva, na ktorého koncerte sa zúčastnila. Výkon klaviristu ju však príliš neoslovil: "He has simply strung together a series of modern tendencies and moods, but underneath them there runs no indication of an essential feeling" (s. 29). Andersonová takisto analyzuje výkon Johna Barrymora v hre *Redemption*, spracovanej na motívy Tolstého poviedky *The Living Corpse*. Autorka je kritická tak k výkonu herca, ako i k výberu poviedky ako motívu divadelnej hry: "Tolstoy has no compelling drama for us. We are interested in the human being who finds himself an exile in the world, but not if his exile depends upon a general imperception of himself and the rest of mankind; just as we are interested in a man and woman who find some psychological barrier in the way of their marriage, but not if that barrier depends upon the perspective mother-in-law's idea of the conventions" (s. 30 – 31). Zmienku Andersonovej o vystúpení orchestra pod vedením N. Sokoloffa, ktorý hral aj Kaukazské skeče Ippolita Ivanova, nachádzame v čísle 5/1916, s. 18 – 19.

Ruského kultúrneho života sa týkajú ešte dva texty. Prvým je reklama na obchod s ruskými predmetmi a komoditami *Little Russia Fania Mindell*: „Shop of pure Russian atmosphere, with unique Russian brass and copper,

pots and boxes, blouses, hats, scarfs, and Russian tea" (8/1917). Druhým je oznámenie o pripravovanej prednáške Alexandra Kauna o ruskej literatúre (o Dostojevskom) (2/1916, s. 26).

4 Politika a história

4.1 Emma Goldmanová

V porovnaní s prvými dvomi ročníkmi sú politické témy viac-menej na periférii záujmu časopisu. Prejavuje sa to aj v pozornosti venovanej Emme Goldmanovej (na porovnanie pozri Kiššová, 2013, s. 40 – 41). V ročníkoch 3 – 5 sa Goldmanová objavuje v troch textoch. Prvým je anonymný súbor kratších publicistických článkov nazvaný *Propaganda* (1/1916, s. 25 – 27). Jeden z článkov sa venuje antikoncepcii a Margaret Sandersovej. V tej súvislosti sa spomína aj anarchistka Goldmanová a jej súdny proces: "If she does not succeed in effecting a revision of the penal code regarding the whole matter of birth control she will spend the next year in prison, I understand" (s. 26). Článok je snahou aktivizovať čitateľov, aby vyjadrili protest voči uväzneniu Goldmanovej.

Druhý príspevok pochádza priamo z pera Goldmanovej. V čísle 3/1916, s. 17 – 18 boli zverejnené jej listy z väzenia (*Letters from Prison*), v ktorých približuje svoju skúsenosť väzenkyne (denný režim, aktivity a podobne).

V čísle 4/1916 sa objavuje oznámenie o prednáške Goldmanovej v San Franciscu na témy filozofia ateizmu, umenie života atď.

4.2 Iné politické aspekty

V čísle 2/1916 (s. 34 – 35) bola zverejnená recenzia knihy *Great Russia* (Charlos Sarolea). Publikácia bola jednou z troch recenzovaných kníh pod spoločným názvom *Impartial and Otherwise*. (Ďalšími recenzovanými dielami boli *The Making of Germany* /autor Ferdinand Schevill/ a *Imperial Germany and the Industrial Revolution* /autor Thorstein Veblen./) Recenzent (K.) charakterizuje dielo Saroleu ako politickú literatúru, ktorú treba vnímať vo vojnovom kontexte. Autora recenzovanej publikácie označuje za rusofila, ktorého spisba je skôr nekritickou chválou Ruska ("Exaggerated eulogy is apt to arouse suspicion", s. 35) ako snahou o objektívny pohľad na dejinný a kultúrny vývoj.

Záver

Z porovnania prvých dvoch ročníkov a následných troch je zrejmé, že dochádza k istým zmenám v obsahu časopisu vo všeobecnosti, ako i v odkazoch na ruskú kultúru a literatúru. Z hľadiska celkového smerovania časopisu je zreteľný odklon od politických tém k umeleckému záberu. Na obsahovú stránku časopisu mala značný vplyv osobnosť Ezru Pounda, ktorý prináša väčší dôraz na medzinárodný charakter periodika, najmä vzhľadom na francúzsku umeleckú tvorbu.

Čo sa týka článkov, zmienok a odkazov na ruský kontext, ich charakter je odlišný od prvých dvoch ročníkov najmä v tom, že sa v časopise objavuje oveľa menej analytických a recenzných príspevkov. Príčinu je možné vidieť i v tom, že svoje články prestáva zverejňovať Alexander Kaun. V prvých dvoch ročníkoch práve jeho pohľad prinášal dôraz na ruskú literatúru.

Zmienky, ktoré nachádzame v treťom až piatom ročníku, sa väčšinou týkajú nepriamych odkazov (napr. inšpirácia ruským kontextom), prípadne sa viažu na tvorbu ruských autorov pri porovnaní s autormi iných národností.

V neposlednom rade je potrebné spomenúť, že nájdené odkazy nepresahujú ruských „klasikov“ – najčastejšie sa stretávame s menom Dostojevského. Sumárny pohľad na využitie ruských postáv, referencií a inšpirácií tak v konečnom dôsledku vyvoláva zásadnú otázku, či bola reflexia ruského prostredia v anglofónnom kultúrnom prostredí v sledovanom období založená na istých stereotypoch a tradičnom náhlade na ruskú literatúru alebo či reflexia a kritika prinášali aj alternatívne a kontroverzné pohľady. Z našej štúdie vyplýva, že v danom období sa zmienky o ruskej literatúre a kultúre nevymaňujú z tradičného a do istej miery stereotypného uvažovania o ruskom kultúrno-literárnom kontexte.

LITERATÚRA

- ANDERSON, M. C.: *Art and Anarchism*. In: *The Little Review*, 3, 1, 1916, s. 3 – 6.
- ANDERSON, M. C.: *James Joyce*. In: *The Little Review*, 3, 10, 1917, s. 8 – 9.
- ANDERSON, M. C.: *Notes on Music, Books, and the Theatre*. In: *The Little Review*, 5, 7, 1918, s. 28 – 31.
- ANDERSON, M. C.: *The Russian Ballet: It Sojourns in a Strange Land*. In: *The Little Review*, 3, 1, 1916, s. 18 – 22.
- DE BOSSCHERE, J.: *L'Offre de Plebs*. In: *The Little Review*, 3, 7, 1916, s. 12 – 15.
- DE BOSSCHERE, J.: *Ulysse Fait Son Lit*. In: *The Little Review*, 3, 5, 1916, s. 6 – 8.
- ELIOT, T. S.: *In Memory*. In: *The Little Review*, 5, 4, 1918, s. 44 – 47.
- ELIOT, T. S.: *Whispers of Immortality*. In: *The Little Review*, 5, 5, 1919, s. 11 – 12.
- FLETCHER, J. G.: *Three Imagist Poets*. In: *The Little Review*, 3, 3, 1916, s. 30 – 35.
- GOLDMAN, E.: *Letters from Prison*. In: *The Little Review*, 3, 3, 1916, s. 17 – 18.

- GRIMES, J.: *Splendid Isolation*. In: The Little Review, 3, 5, 1916, s. 15 – 17.
- HUEFFER, F. M.: *Women and Men, I*. In: The Little Review, 4, 9, 1918, s. 17 – 31.
- HUEFFER, F. M.: *Women and Men, II*. In: The Little Review, 4, 11, 1918, s. 36 – 51.
- JOYCE, J.: *Ulysses. Episode I*. In: The Little Review, 4, 11, 1918, s. 3 – 22.
- KAUN, A. S.: *Rossica*. In: The Little Review, 3, 3, 1916, s. 36 – 39.
- KAUN, A.S.: *A Sorrowful Demon*. In: The Little Review, 3, 4, 1916, s. 9 – 10.
- KIŠŠOVÁ, M.: *Ruská literatúra a kultúra v časopise The Little Review*. In: Slavica Nitriensia, 1, 2013, s. 31 – 44.
- LEWIS, W.: *Imaginary Letters*. In: The Little Review, 4, 2, 1917, s. 22 – 26.
- LEWIS, W.: *Imaginary Letters*. In: The Little Review, 4, 11, 1918, s. 23 – 30.
- LEWIS, W.: *Imaginary Letters*. In: The Little Review, 4, 12, 1918, s. 50 – 54.
- MARTINEZ, R. A.: *The Man who Resembled a Horse*. In: The Little Review, 5, 8, 1918, s. 42 – 53.
- LE MONIER, J. H.: *Note upon Fashions in Criticism*. In: The Little Review, 5, 6, 1918, s. 24 – 25.
- LI PO: *Chinese Poems*. In: The Little Review, 4, 7, 1917, s. 3 – 4.
- POUND, E.: *Imaginary Letters V. Walter Villerant to Mrs. Bland Burn*. In: The Little Review, 4, 6, 1917, s. 14 – 17.
- POUND, E.: *Mr. Villerant's Morning Outburst*. In: The Little Review, 5, 7, 1918, s. 7 – 12.
- POUND, E.: *A Study of Modern French Poets*. In: The Little Review, 4, 10, 1918, s. 3 – 61.
- POUND, E.: *"Tarr", by Wyndham Lewis*. In: The Little Review, 4, 11, 1918, s. 35.
- RODKER, J.: *"Exiles". A Discussion of James Joyce's Plays*. In: The Little Review, 5, 9, 1919, s. 20 – 27.
- SPIRE, A.: *Two Poems*. In: The Little Review, 5, 7, 1918, s. 13 – 16.
- STEVENS, W.: *Anecdote of Canna*. In: The Little Review, 5, 8, 1918, s. 13.
- STEVENS, W.: *Architecture for the Adoration of Beauty*. In: The Little Review, 5, 8, 1918, s. 10 – 12.
- STEVENS, W.: *Nuances of a Theme by Williams*. In: The Little Review, 5, 8, 1918, s. 12.
- SYMONS, A.: *Barbara Roscorla's Child (A Play in One Act)*. In: The Little Review, 4, 6, 1917, s. 25 – 36.
- WILLIAMS, W. C.: *The Ideal Quarrel*. In: The Little Review, 5, 8, 1918, s. 39 – 40.
- YEATS, W. B.: *The Dreaming of the Bones*. In: The Little Review, 5, 9, 1919, s. 1 – 14.
- YEATS, W. B.: *Seven Poems: To a Young Girl, A Song; Solomon to Sheba; The Living Beauty; Under the Round Tower; Tom O'Roughley; A Prayer on going into my House*. In: The Little Review, 5, 6, 1918, s. 1 – 5.

Anonymné články a recenzie

- Impartial and Otherwise*. In: The Little Review, 3, 2, 1916, s. 34 – 35.
- The Mysterious Poets*. In: The Little Review, 3, 9, 1917, s. 28.
- Propaganda*. In: The Little Review, 3, 1, 1916, s. 25 – 27.
- The Reader Critic; The Hoax of the „Spectrics“*. In: The Little Review, 1918, 5, 2, s. 53 – 54.

Archív časopisu *The Little Review* je dostupný na webovej stránke: http://modjournal.org/render.php?view=mjp_object&id=LittleReviewCollection.

Článok bol pripravovaný v rámci projektov VEGA 1/0360/14: *Osnovné tematické algoritmy v slovesnom umení (s intersemiotickými a interdisciplinárnymi presahmi)* a KEGA 039UKF-4/2012: *Vyučovanie súčasných anglofónnych literatúr ako prostriedok posilňovania kreatívneho a kritického myslenia*.

СОКОЛОВА, Я. – КОРИНА, Н.: *Человек – Язык – Дискурс. Очерки об ориентации в пространстве языка и речи.* Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 206 s. ISBN 978-3-659-98851-6.

Антропологистика – довольно молодая, возникшая только в начале XXI столетия и сразу вызвавшая активный интерес в научных кругах дисциплина, поскольку занимается изучением эволюции человеческого мышления через призму эволюции языка. Как известно, её основным постулатом является то, что все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка. Таким образом, антропологическая лингвистика имеет тесную связь с эпистемологией, антропологией, возрастной и социальной психологией, этнолингвистикой, лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой и, следовательно, заимствует терминологию этих наук. Дискурс также является предметом междисциплинарных

исследований. Его изучают с позиций прагматической, формальной или структурно ориентированной лингвистики, функциональных и стилистических особенностей языка. Вместе с тем известны лингвокультурологический, социолингвистический и когнитивно-семантический подходы к изучению дискурса, которые тесно взаимосвязаны. Как видно, все эти аспекты в какой-то мере затрагивают и описывают жизнедеятельность человека, проявление его ментальности в языке и процессе общения. В анализируемой работе дискурс представляется в широком смысле как сложное коммуникативное явление, как языковое и речевое взаимодействие, включающее и социальный контекст, и ментальные процессы, связанные с экстралингвистическими

факторами. Этот подход предполагает собственную точку зрения на язык и языковое общение, что, безусловно, ново и интересно.

Таким образом, рецензируемое издание – монография, посвящённая проблематике антропологической теории языка, в частности, антропоцентрического подхода к ориентации в языковом и дискурсивном пространстве, основанной, по мнению авторов, на принципах естественной ориентации, оптимальной дифференциации, оптимальной интерпретации и нормативизации. Содержание данных принципов последовательно раскрывается и иллюстрируется на языковом материале словацкого и русского языков с акцентом на словацкий язык. Это позволяет увидеть названные принципы в новом ракурсе и, таким образом, знакомит широкую научную общественность с теоретическими взглядами современной словацкой лингвистики. В целом монография представляет собой металингвистическую точку зрения на языковую и дискурсивную реализацию когнитивных механизмов и результатов человеческой деятельности: интерпретируются ориентаторы в лексическом пространстве (идентификаторы, деикторы, локализаторы, комменторы), в дискурсивном пространстве речи (намёк, ирония, абсурд), в пространстве текстов, их жанров и стилей. Типы ориентаторов рассматриваются

в различных пространственно-временных координатах, среди которых различаются общественное и личное пространство, а также проявления «центризмов» (антропоцентризма, эгоцентризма, андроцентризма и этноцентризма), дискурсивно реализуемых в языке и речи. Особое внимание посвящено связи антропоцентрического мировосприятия с пространством жанров и стилей и месту в нём намёка, иронии и абсурда, что имеет эвристическую ценность в рамках данной проблематики, поскольку отражается в специфике менталитета словацкого общества в целом. Интересной и последовательно аргументированной является позиция авторов во взглядах на языковое и дискурсивное пространство, рассматриваемое в аспекте его метафорической сущности. Во всём этом видится оригинальный авторский подход, заключающийся новизна исследования.

Как отмечают сами авторы в подзаголовке к названию своей работы, монография написана в форме очерков. Следует отметить, что данный жанр повествования весьма популярен в современной научной и научно-популярной литературе, так как подразумевает живое, динамичное описание событий и фактов. Некоторые даже сравнивают очерк с живописью, с картиной. И это, естественно, неслучайно. Так, в *Толковом словаре* Д. Н. Ушакова первое, номинативное

значение слова *очерк* – ‘контур, очертание’, следующие семы: ‘небольшое литературное произведение, дающее краткое выразительное описание чего-н. (лит.)’, а также ‘описание, изложение, исследование какого-н. вопроса, дающее общее представление о нём’ и ‘частое заглавие специального научного труда, состоящего из исследования ряда взаимно связанных вопросов’ (см. Ушаков, Д. Н.: *Толковый словарь онлайн*). Таким образом, с картиной собственного научного восприятия проблем взаимосвязи и взаимодействия человека, языка и дискурса и знакомят нас авторы монографии.

Уже в самом названии исследования отражается и далее успешно решается его главная задача – описать антрополингвистический подход к языку и речи, реализуемый с помощью различных дискурсивных и языковых средств, и подтвердить всё сказанное живыми фактами словацкого и русского языков. Иными словами, перед нами работа, написанная с позиций словацких учёных-лингвистов на «речь, погружённую в жизнь» (*Словарь лингвистических терминов онлайн*).

Структура текста монографии стройна и логична: от описания базовых теоретических постулатов авторы плавно переходят к характеристике отдельных изучаемых аспектов, что и подразумевает избранный жанр

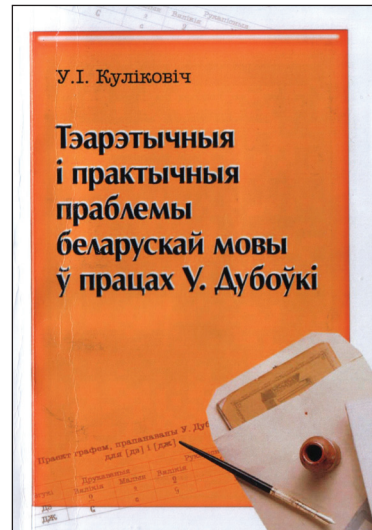
повествования и специфика исследования. Иллюстративный материал представляется интересным и актуальным, поскольку основан преимущественно на текстах из периодической печати и национальных корпусов русского и словацкого языков. Привлечены и художественные тексты, без которых освещение вопросов ориентации в пространстве стилей и жанров было бы неполным.

Кроме этого, рецензируемую монографию в определённой степени можно отнести к обобщающим работам по упорядочению специальной терминологии. Она насыщена большим количеством научных понятий из разных областей знаний, что свидетельствует о естественных процессах формирования, становления и усовершенствования новой терминосистемы. Авторы монографии разъясняют и интерпретируют использованные специальные понятия, чем вносят свою неоспоримую лепту в их закрепление в лингвистической терминологии.

Оценивая монографию в целом, следует особо отметить её компаративную направленность, которая проявляется прежде всего в характеристике отличий в теоретических подходах русской и словацкой лингвистики к исследуемым явлениям, что, безусловно, повышает её актуальность и значимость.

Елена Калечиц

КУЛІКОВІЧ У. І.: *Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі*. Мінск: РІВШ, 2011. 165 с. ISBN 978-985-500-472-2.

Мова ў філалагічнай інтэрпрэтацыі беларускага паэта

Манаграфія У. І. Куліковіча належыць да прац, якія злучаюць мінулае і сучаснае беларускай літаратурнай мовы праз аналіз яе навуковай інтэрпрэтацыі арыгінальным паэтам Уладзімірам Мікалаевічам Дубоўкам (1900 – 1976). Асоба У. М. Дубоўкі, яго плённая дзейнасць на ніве распрацоўкі асноў кадыфікацыі беларускай мовы ў 20-я гады ХХ стагоддзя, як і трагічны лёс гэтага паэта, беспадстаўна рэпрэсаванага ў 1930 г. за шчырае імкненне ўплываць сваёй творчасцю і навуковай публіцыстыкай на фарміраванне беларускай літаратурнай мовы і развіццё нацыянальнай культуры і навукі, упершыню асвятляецца сістэмна і цэласна.

Па-за манаграфіяй застаюцца вядомыя беларускай грамадскасці біяграфічныя звесткі пра заканчэнне У. Дубоўкам настаўніцкай семінарыі, пра яго настаўніцкую працу ў Расіі, у Тульскай вобласці (1918 – 1920 гг.), пра атрыманне ім гуманітарнай (літаратуразнаўчай) адукацыі (у 1924 г. гэты беларускі паэт скончыў Вышэйшы літаратурна-мастацкі інстытут імя В. Брусава ў Маскве), пра выкладанне ім беларускай літаратуры ва ўніверсітэце народаў Захаду (1924 – 1927). Пастаянна жывучы ў Маскве, Дубоўка актыўна ўдзельнічае ў беларускім літаратурным руху, быў сябрам літаратурнага аб'яднання "Маладняк", затым "Узвышша".

Пасля рэабілітацыі ў 1957 г. У. Дубоўка таксама жыў і працаваў у Маскве, вярнуўся да паэтычнай творчасці. Яго ж надзвычай

актыўная і рознабаковая дзейнасць у лінгвістычнай сферы храналагічна прывязана да дзесяцігоддзя беларусізацыі, што падкрэслівае і з чаго зыходзіць у сваім аналізе аўтар першай манаграфіі абагульняльнага тыпу, прысвечанай пытанням мовы ў навуковай інтэрпрэтацыі паэта. Сутнасць беларусізацыі разглядаецца У. І. Куліковічам ужо ва "Уводзінах": "Для беларускага мовазнаўства беларусізацыя – гэта прамежак, за які нацыянальная інтэлігенцыя (А. Багдановіч, П. Бузук, Я. Бялькевіч, І. Воўк-Левановіч, М. Гарэцкі, М. Каспяровіч, Я. Колас, Я. Купала, В. Ластоўскі, браты Я. і А. Лёсікі, С. Некрашэвіч, Б. Тарашкевіч, М. Шатэрнік і многія іншыя) сваёй плённай працай <...> прадэманстравала ўсяму свету вялікія здольнасці, прафесіяналізм, шчырае жаданне ўзняць на высокі ўзровень да гэтага прызнаваную не ўсімі нацыянальную мову беларусаў" (с. 7). Названыя дзеячы, іх працы разглядаюцца ў манаграфіі пры аналізе падыходаў У. Дубоўкі, што сведчыць пра навуковую, супастаўляльную па ўзроўні з прафесійнымі лінгвістамі вартасць. У выніку дэталізуецца і інтэрпрэтуецца шырокі навукова-культурны кантэкст функцыянавання і фарміравання лінгвістычнай думкі.

Дзейнасць У. Дубоўкі па мовазнаўчых пытаннях стала важкім унёскам ў дасягненні беларусізацыі: "Толькі за адно дзесяцігоддзе

сфера ўжывання беларускай мовы рэальна ахапіла асвету, навуку, культуру, справаводства. Істотна актывізавалася нармалізатарская дзейнасць па выпрацоўцы лексічных, граматычных, графіка-арфаграфічных, стылістычных нормаў" (с. 7). Сярод пералічаных прозвішчаў беларускіх дзеячаў прыведзены і заснавальнікі беларускай літаратурнай мовы Янка Купала (І. Луцэвіч) і Якуб Колас (К. Міцкевіч), якія ўваходзілі ў тэрміналагічныя камісіі. Напрыклад, Я. Купала непасрэдна ўдзельнічаў у складанні літаратуразнаўчай тэрміналогіі. Абодва гэтыя класікі беларускай літаратуры пісалі публіцыстычныя артыкулы, прысвечаныя беларускай мове і прамаўленню яе права на існаванне, сцвярдзенню яе роўнасці з іншымі нацыянальнымі мовамі. Феномен У. Дубоўкі звязаны з актыўнай распрацоўкай пытанняў з галіны філасофіі мовы ў актуальным часе і ў сувязі з тагачаснымі навуковымі тэндэнцыямі і канцэпцыямі. З маладым запалам, уласцівым дваццацігадовым, натхнёным рэвалюцыяй і яе пераўтварэннямі, ідэалістам і романтикам, беларускі паэт даводзіў сваімі артыкуламі да грамадства, запрашаючы адначасова да шырокай дыскусіі, неабходнасць свядома ўдзельнічаць у абмеркаванні шляхоў развіцця беларускай мовы, гаварыць пра каштоўнасць беларускай народнай мовы, традыцыі якой маюць жыццядайную сілу і,

паводле паэта, нададуць уласнае аблічча літаратурнай беларускай мове (пісьмовай форме).

Аўтар манаграфіі выявіў актуальную і важную тэндэнцыю да стабільнасці ў кадыфікацыі: “Сёння з упэўненасцю можна сцвярджаць, што праблемы сучаснай беларускай літаратурнай мовы, на якія ў XXI ст. звяртае ўвагу навуковая грамадскасць, не з’яўляюцца новымі, малавядомымі. Многія з іх не толькі абмяркоўваліся, але і паспяхова вырашаліся яшчэ ў першае пяслярэвалюцыйнае дзесяцігоддзе [у 1920-я гады – В. Л.], калі кіраўніцтва Беларусі распачала будаўніцтва нацыянальнай беларускай культуры, пралетарскай па змесце і нацыянальнай па форме” (с. 6). Сацыяльна-гістарычны фон, актуальны стан навукі, а таксама біяграфічныя факты сталі асновай першай главы “Фарміраванне лінгвістычных поглядаў У. Дубоўкі”, у якой адлюстроўваецца і захапленне паэта тэорыяй М. Я. Мара, на базе якой беларускі паэт ствараў некаторыя праекты.

У час напісання лінгвістычных прац і артыкулаў У. Дубоўка належаў да моладзі з актыўнай жыццёвай пазіцыяй і грунтоўнымі ведамі. У манаграфіі рэльефна паказаны вытокі яго лінгвістычных прац і яго аўтарытэт у творчай інтэлігенцыі на падставе “разумення маштабу таленту маладога паэта”, адначасовасць раскрыцця паэтычнага і лінгвістычнага таленту, факт, што

Дубоўкаў “удзел у абмеркаванні надзённых праблем развіцця нацыянальнай мовы стымуляваў развіццё моўнай тэорыі, выводзіў лінгвістычныя дэбаты за вузкі прафесійныя межы” (с. 10).

У межы аналізу ўвайшлі ўсе працы паэта, прысвечаныя лінгвістычным пытанням. Яны ўпарадкаваныя паводле тэматычнай таксаноміі. Паэт інтэрпрэтаваў моўныя пытанні ў глабальных маштабах з прыцягненнем фактаў з разнастайных прыватных лінгвістык, з гісторыі кадыфікацыі (у прыватнасці, з дзейнасці французскай “Плеяды”), каб затым звярнуцца да актуальных пытанняў беларускай графікі, фанетыкі і арфаграфіі. Сярод прац у другой главе “Тэорыя мовы” прасочаны тэарэтычны аспект, які адлюстраваны ў пытаннях канцэптualaнага характару – “Феномен мовы” (2.1), “Паходжанне беларускай мовы” (2.2) і “Лексічная сістэма мовы” (2.3). Аўтар манаграфіі адзначае, што падыходы і меркаванні беларускага паэта на конт сувязі мовы і нацыянальнай свядомасці або самастойнага фарміравання беларускай мовы і інш. у сваёй пераважнай большасці апырэдзілі назіранні беларускіх лінгвістаў, набылі ў далейшым пацвярджэнне, яны сугучныя сучаснай антрапацэнтрычнай парадыгме ў даследаванні мовы. Істотным выступае параўнальны метада, пры якім падыходы і сцвярджэнні паэта суаднесены з меркаваннямі

тагачасных беларускіх лінгвістаў, у выніку чаго паказваецца дынаміка ў гісторыі лінгвістычнай думкі і тэорыі літаратурных моў.

Трэцяя глава прысвечана графічным і фанетычным сродкам мовы і таксама ўключае тэарэтычны аспект, звязаны з гіпотэзай паходжання кірыліцы і глаголіцы, суадноснай з сучаснымі поглядамі. Тэма “Беларуская графіка” (3.2) адлюстроўвае аспекты грамадскіх дыскусій (3.2.1 “Аргументы за кірыліцу”), творчы падыход у прапановах паэта да рэформы графічных знакаў (3.2.2 “Праекты графем для [дз] і [дж]”), вырашэнне пытання змены ў абазначэнні ётавых літар *e, ё, ю, я* праз увядзенне лацінскай графемы *j* (3.2.3). Прапановы У. Дубоўкі па зменах у графіцы не былі прынятыя, але адлюстроўваюць актыўнасць тагачаснага грамадства і лінгвістаў у абмеркаванні і распрацоўцы спецыфічных сродкаў графікі.

Звярнуўся паэт і да пытання паходжання беларускага дзекання і цекання – фанетычнай спецыфікі, якая вырашалася з XIX стагоддзя па-рознаму і тычылася сутыкнення поглядаў пра запазычанасць або аўтэнтычнасць у фарміраванні адпаведнага вымаўлення. Меркаванне У. Дубоўкі адлюстроўваецца ў назве адпаведнай часткі – 3.4 “Аўтэнтычнасць дзекання/цекання”, якая таксама змяшчае выклад У. І. Куліковічам меркаванняў і доказаў праз

параўнанне падыходаў паэта з падыходамі сучасных яму лінгвістаў, указваючы на супадзенне.

Рэвалюцыйнасць знайшла адлюстраванне ў прапановах У. Дубоўкі па стварэнні ўніверсальнага алфавіта, названага “Кастрычніцкім” (актуалізацыя сувязі назвы з ідэалам Кастрычніцкай рэвалюцыі). Утапічная ідэя стварэння ўніверсальнага алфавіта ў той час была шырока распаўсюджана, што прасочваецца ў манаграфіі праз суднясенне Дубоўкавых прапаноў з іншымі праектамі.

Асобная глава прысвечана інтэрпрэтацыі У. Дубоўкам беларускай арфаграфіі, яе ўдасканаленню, фармулёўкам асобных правіл (напрыклад, напісання ў нескладовага), што тычацца і напісання іншых спецыфічных з’яў – прыстаўных галосных і зычных, падоўжаных гукаў. Прапановы ўказваюць на выдатнае веданне моўных традыцый, у тым ліку і ў фальклоры, арыентацыю маўлення на мілагучнасць, эстэтыку і гармонію, уважлівых у беларускіх народных песнях. На падставе гэтага паэт, звяртаючыся да назваў розных спосабаў цяжэння ракі, для фанетычных з’яў прапануе на іх аснове метафарычныя тэрміны (*сутока, жось, турэц* – не прынятыя практыкай), дэталёва іх тлумачыць.

У манаграфіі Дубоўкавы прапановы і навацыі, яго погляды і меркаванні характарызуюцца таксама і ў дачыненні да сучасных

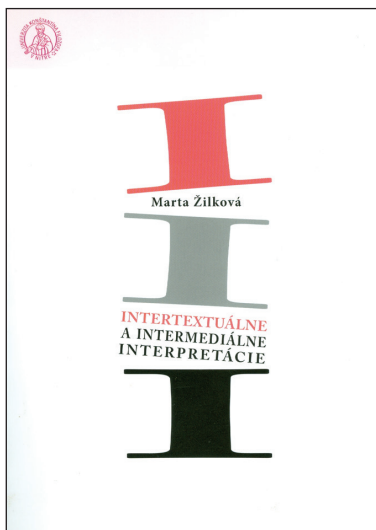
падыходаў. Падкрэсліваецца, што нават памылковыя меркаванні і нерэалізаваныя праекты выключна істотныя для гісторыі мовы і лінгвістычнай думкі, для вывучэння моўнай і маўленчай асобы, яе творчага патэнцыялу і пад.

Пастаўленае за мэту “асэнсаванне ролі У. Дубоўкі як маўленчай асобы са сваім арыгінальным бачаннем шляхоў і перспектывы развіцця беларускай літаратурнай мовы ў рэчышчы станаўлення і функцыянавання лінгвістычнай думкі на Беларусі” (с. 10) прыводзіць да істотных вынікаў, якія з’яўляюцца важнымі для тэорыі славянскіх літаратурных моў, гісторыі беларускай мовы, для беларускай стылістыкі і філасофіі мовы ў цэлым. Арыентацыя У. Дубоўкі на шырокі лінгвістычны і культурны кантэкст, яго ўвага да нацыянальнай моўна-эстэтычнай традыцыі прывяла

да стварэння арыгінальнай і шмат у чым прагнастычнай канцэпцыі нацыянальнай мовы як культурнай і асобнай праявы. Аўтар манаграфіі прасачыў канцэптualityныя і грамадска-палітычныя сувязі ў фарміраванні лінгвістычнай думкі на Беларусі ў навуковым і культурным, а таксама ў дыяхранічным і актуальным сінхранічным кантэкстах. Выяўлены тэндэнцыі ў моўным развіцці і кадыфікацыі, уведзены ў навуковы ўжытак каштоўны і раней невядомы ў сваіх сістэмных сувязях і залежнасцях матэрыял.

Манаграфія з’яўляецца інавацыйным і грунтоўным даследаваннем, якое мае значную навуковую вартасць і прынясе карысць для філалагічнай адукацыі.

Вікторыя Ляшук

ŽILKOVÁ, M.: *Intertextuálne a intermedialne interpretácie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2012. 214 s. ISBN 978-80-558-0109-4.

Titul najnovšej monografie etablovanej slovenskej estetiky Marty Žilkovej predznačuje dvoje. Ponajprv to, že autorkin záujem pretína žánrovo-druhovú rozmedzia a zahŕňa (na spôsob selektívnej sondáže) rôznorodé umelecké a kultúrne fenomény. Zároveň prostredníctvom termínu „interpretácia“ signalizuje aj spôsob, akým k nim autorka pristupuje. Pravda, tento mimodefiničný obsah je veľmi široký a rozvolnený, takže má podobu rozľahlého sémantického intervalu či priamo rizómy. Siahla, pokiaľ sa obmedzíme len na jeho konceptuálny vid, od faktografickej deskripcie alebo objektivistickej analýzy na jednej strane až po zosobnenú reflexiu a straniaco zaangažované hodnotenie na strane druhej. V publikácii zjavne prevažuje druhý zo spomínaných prístupov. Súvisí to s autorkinou nalievavou

potrebou vysloviť sa k súčasnej podobe našej kultúry a umenia, a to implicitne na vývinovo-porovnávacom a axiologicky normatívnom základe („tradičné – súčasné“, „aké to je“ – „aké by to malo byť“).

Rozmeňme teraz úvodný odsek tejto recenzie na konkrétnejšie „drobné“. Autorka sa vo svojej monografii vyslovuje k literárnym, komiksovým, výtvarným, rozhlasovým, televíznym, divadelným, filmovým artefaktom, poetikám a tendenciám, ako aj k mimoumeleckým popkultúrnym úkazom či prejavom. Sčelujúcim menovateľom tohto širokospektrálneho záberu je prednostná koncentrácia na tvorbu pre deti a mládež a, v rámci spomínaného angažovaného hodnotiaco-reflexívneho prístupu, problematické či priamo rizikové aspekty recepčného dosahu aktuálnej umeleckej a kultúrnej produkcie.

V úvodnej kapitole – de facto súbore interpretačných glos – *Kulturologické sondy* sa autorka na košatej intersemiotickej materiálovej báze venuje najprv tomu, čo pomenúva priamočiaro ako „zlo“, a to v spoločensko-etickom i estetickom zmysle (inými slovami: zaciľuje sa na zlo ako na fakt „aktuálneho“ i „fikčného“ sveta). Sleduje jeho historickú genézu a vývinové premeny v spôsobe ikonizácie („zlo bolo v minulosti menej transparentné“ /s. 14/, pretože bolo spojené s rozvinutou sústavou príkazov, zákazov, zákonov a tabu /s. 14/). V súčasnom umení a kultúre je podľa autorky prezentované so zjavnou vehemenciou, a to nielen vo finálnej, ale aj „predpokladovej“ podobe (podľa autorky sa tak deje napríklad aj prostredníctvom výrazových akostí irónie, klišé, arogancie etc.). Predmetom ďalšej interpretačnej sondy je topos mesta v slovenskej medzivojnovnej próze. Nejde tu, ako by sa vari zdalo, o nelogický odskok od predošlej témy, lež o výkladové doplnenie onej „predpokladovej databázy“ kritických hodnotových posunov. Žilková sa totiž na pozadí spomínaného imagenu vyslovuje k dnešnej urbanistickej akcelerácii, ktorá ovplyvňuje životný štýl, myslenie a správanie človeka, meniaceho sa na mešťana so zachovanými dedinskými spôsobmi, ktoré sa podľa autorky za týchto okolností manifestujú v podobe nekultivovanosti, agresivity a brutality. Načatú problematiku potom konkretizuje na

príklade urbanistických zmien kúpeľov v Trenčianskych Tepliciach (strata výnimočnosti a kultúrnosti /najmä po r. 1989/, nerešpektovanie tradície, nadradenie komerčnej funkcie nad funkciu terapeutickú etc.). Súbor glos zahrnutých do prvej kapitoly uzatvára reflexia knižnej kultúry v podmienkach, ktoré sa podľa Žilkovej vyznačujú diktatúrou vizualizácie a na nej budujúcich médií (televízia, videokultúra, PC-kultúra a pod.). Literatúra a jej čítanie sa tak dostávajú ak nie priamo do „postavenia mimo hry“, tak aspoň do minoritnej pozície. Knižná kultúra sa (v snahe vymaniť sa z tejto pozície) inovatívne inšpiruje „jednak technickými vymoženosťami, jednak postmodernými tendenciami... a sprostredkúva čitateľovi vizuálny zážitok“ (s. 38). Vizuál tak prestáva plniť niekdajšiu doplnkovú, komplementárnu, „ilustratívnu“ funkciu a stáva sa rovnocenným náprotivkom slovesnej zložky. Emblematickým prejavom tejto tendencie je komiks, ktorý aktuálne neraz dosahuje status „hodnotného umeleckého, osvetového či vedeckeho diela“ (s. 41) (jeho prostredníctvom sa napríklad v mainstreame medzigeneračne kontinuálne zachováva povedomie o hrôzach holokaustu, sprostredkujú sa dejiny českého Národného divadla, komiksové intervencie sa vyskytujú v knihách s klasickou problematikou, a to všetko v snahe pritiahnúť záujem najmä mladých ľudí).

Marta Žilková vcelku popisuje akútne problémové či problematické parametre kultúry a umenia ako deficiensy postmodernity, aj keď, ako vieme, táto paradigma už stratila pečať „pálčivej aktuálnosti“, a teda aj status výlučného zdroja výrazových a poetologických turbulencií v súdobom umení a kultúre (k tomu pozri – pars pro toto – práce Gillesa Lipovetského, Alana Kirbyho, Jeffreyho T. Mealona, Alaina Badioua, Timothea Vermeulena, Robina van den Akkera atď., resp. koncepty post-postmodernity, metamodernity, hypermodernity, pseudomodernity, digimodernity, new sincerity a pod.).

Druhá kapitola *Smerovanie mediálnej kultúry* zastrešuje ďalší rozmer mediálnej kultúry – určenej deťom i dospelým. Fokusom výkladu sa tu v podstate, aj keď nie výslovne, stáva obsah, rozsah a hodnotová platforma samých pojmov „kultúra“ a „kultúrnosť“. Podľa autorky sa mediálne artefakty, ktoré „kultúrnosť“ saturujú, ocitajú na recepčnej periférii. To sa podľa Marty Žilkovej týka aj ich kritickej reflexie. Jej revitalizácia by podľa autorky mohla „prispieť k mediálnej vzdelanosti obyvateľstva, ktorá je na veľmi nízkej úrovni, v dôsledku čoho možno vysielateľ kultúrne programy s najnižšou možnou etickou i estetickou hodnotou bez kritickej reflexie“ (s. 53), čo vedie „k otupenosti, desenzibilizácii estetických faktov, teda k necitlivosti voči esteticky hodnotnému artefaktu“ (s. 55). Tieto problémy a postoje

sa materiálno i výkladovo komplementarizujú a rozvíjajú v podkapitolách *„Detský príjemca a mediálne umenie“* a *„Interaktivita v médiách a v umení“*.

Tretia kapitola *Tematické a formálne výdobytky mediálnej drámy* je najrozsiahlejšia a v tomto ohľade aj najnosnejšia. Autorka sa v nej podrobne a zároveň (pokiaľ ide o zovšeobecňujúco vyvodené implikácie) zásadne zapodieva predovšetkým, aj keď nie výlučne, slovenskou dramatickou mediálnou tvorbou, a to so zreteľom na najnovšie trendy mediálnej kultúry. Všíma si intertextuálne zoskupenia, ktoré sa viažu k totožnému prototextu – rôzne typy dramatizácií či adaptácií (literárna, divadelná predloha), komerčnú rozhlasovú i televíznu tvorbu. Vyslovuje sa napríklad ku – v súčasnom umení nadužívanému – kultu mučeníctva (film Mela Gibsona *Umučenie Krista*, dramatické hry K. Horáka *Svedectvo krvi* a *Pretrhnuté osídla*). Osobitnú pozornosť venuje výrazovým a hodnotovým posunom v dramatizácii svetovo známych diel pre deti v slovenských médiách či divadlách (*Peter Pan* v podaní J. Uličianskeho, *Cisárove nové šaty* v poňatí J. Kákošovej a i.).

Záverečná kapitola *Mediálne vzdelávanie* sa, ako naznačuje jej názov, sústreďuje na praktiky mediálnej výchovy, ktorá sa dostáva do škôl. Autorka tu invenčne glosuje možnosti integrovania prvkov mediálnej kultúry do vyučovania literatúry (napr.

komunikácia s detským príjemcom o literatúre cez médiá) s ohľadom na dispozičnú výbavu a preferencie súčasnej „on-line generácie“. Autorka pritom poukazuje na rozmanitosť mediálnej ponuky v minulosti a na jej limity v súčasnosti, pričom sa snaží proponovať spôsoby, ktoré by súčasným mladým príjemcom autenticky sprístupnili vysoké umelecké a kultúrne hodnoty a pozdvihli úroveň mediálneho vzdelávania.

Monografia Marty Žilkovej *Inter-textuálne a intermediálne interpretácie* je neprehliadnuteľným a kvalifikovaným príspevkom do diskusie o smerovaní súčasného umenia a kultúry, ktorý sa neobmedzuje, obrazne povedané, len na diagnostiku aktuálnej situácie, ale má ambíciu aktívne ovplyvňovať hodnotovú orientáciu nášho súčasníka a predkladať riešenia, ktoré majú reálny potenciál prispieť k jeho kultivácii.

Mariana Čechová

SOKOLOVÁ, M. – VOJTEKOVÁ, M. – MIROŚLAWSKA, W. – KYSEĽOVÁ, M.: *Slovenčina a poľština. Synchronne porovnanie s cvičeniami*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove; Filozofická fakulta, 2012. 336 s. ISBN 978-80-555-0571-8.

Vysokoškolské učebné texty *Slovenčina a poľština. Synchronne porovnanie s cvičeniami* nadväzujú na kompendiá, ktoré autorky publikovali v predchádzajúcich rokoch a ktoré reagujú na súčasné procesy európskej integrácie, imperatív európskej viacjazyčnosti a potrebu poznania geneticky príbuzných jazykov. Boli vydané s finančnou podporou Centra excelentnosti na FF PU v Prešove, Poľského inštitútu v Bratislave a grantovej agentúry VEGA.

Ako sa konštatuje v úvode, publikácia je určená slovakistom a polonistom, ktorí si rozširujú poznatky zo slavistiky založenej na synchronnom porovnávaní slovanských jazykov. Ambíciou autoriek bolo predstaviť popri zhodách najmä rozdiely: ortopedické, ortografické, hláskoslovné, morfológické. Možno konštatovať, že tento zámer sa im podarilo úspešne

realizovať. Premyslená koncepcia (využíva sa synergetický efekt vychádzajúci z identickosti internacionálnej a celoslovenskej lexikálnej zásoby) a štruktúra publikácie umožnila na relatívne nevelkej ploche podať obsažný výklad o základných aspektoch oboch jazykových systémov, aj keď o niektorých problémoch nachádzame len stručnú zmienku, nie vždy sa mohlo ísť do hĺbky.

Vysokoškolské učebné texty sú spracované v dvoch rovinách: teoretické informácie sa podávajú kondenzovanou, ale prístupnou formou, praktickú časť tvoria súbory cvičení, ktorých úlohou je verifikovať teoretické výklady a aktivizovať príslušné modely. Cvičenia sú pritom zamerané na precvičovanie kontrastných javov z oboch jazykov a sú vnútorne diferencované – obsahujú úlohy určené pre obidva jazyky alebo

primárne pre polonistov, resp. slovakistov. Materiálovou bázou k nim boli texty Slovenského národného korpusu a Narodowego Korpusu Języka Polskiego. Publikáciu tak charakterizuje koncepcná a realizačná homogénnosť textu, ktorý je náročný nielen na obsahové, ale aj technické a grafické spracovanie (veľkosť písma, ikonky, využívanie tabuliek, stromových grafov a pod.). Celkovo však vyznieva ako adekvátne štruktúrovaný celok.

Autorky sa síce pohybujú v hraniciach klasickej stratifikačnej lingvistiky, ale zároveň sledujú jej funkčný výklad. Opis jazykových jednotiek slovenčiny a poľštiny podávajú z aspektu preferencií nadobúdania diferencovaných jazykových kompetencií u recipienta prostredníctvom interkomprehenzie v týchto (geneticky príbuzných) jazykoch. Počúvanie s komprehenziou, čítanie s komprehenziou, hovorenie a písanie zohľadňujú východiská *Spoločného európskeho referenčného rámca pre jazyky*.

Publikácia obsahuje okrem úvodu a rozsiahlej bibliografie dvanásť kapitol.

Prvá kapitola sa sústreďuje na zhody a rozdiely v oblasti ortoepie a ortografie. Z ortoepických rozdielov sa pozornosť venuje slovenským diftongom, neutralizácii kvantity, poľským nazálnym hláskam, prízvuku, znelostnej neutralizácii, zdvojeným konsonantom, výslovnosti vokalickej skupín, výslovnosti konsonantov / – / a vzájomným interferenciám

pri čítaní textov. Ortografia je uchopeaná na pozadí princípov, ktorých súhrn tvorí v každom jazyku pravopisný systém. Kým v slovenčine je viac zastúpený morfematický princíp a čiastočne etymologický, fonematický a gramatický, v poľštine dominuje fonematický pravopisný princíp.

V ďalšej časti nachádzame výklad o základných hláskoslovných charakteristikách vokalickej a konsonantických jazykov: slovenčiny a češtiny ako vokalickej jazykov, poľštiny a hornolužickej srbčiny ako konsonantických jazykov. Výklad ukončuje sumarizácia identických a špecifických javov západoslovenských jazykov. V tejto časti sa uvádza detailnejšie synchronne porovnanie fonologických systémov slovenčiny a poľštiny (porov. s. 52 – 66).

Tretia kapitola je venovaná morfológickým rozdielom, a to z aspektu hláskových alternácií. Na početnom ilustračnom materiáli sa dokladuje skutočnosť, že spomedzi západoslovenských jazykov má slovenčina najvyšší počet vokalickej alternácií a v poľštine je najvyšší počet konsonantických alternácií. V slovenčine je to dané tým, že pozície pred gramatickými morfémami sú oslabené a „existuje v nej výrazná tendencia po jednotnom tvarotvornom základe“ (s. 74).

Kapitoly 4 – 9 sa zaoberajú morfológickými systémami slovenčiny a poľštiny ako dominantne flektívnych jazykov a funkciami flexií vyjadrujúcimi vzťahy medzi

autosémantikami. Autorky v nich balansujú medzi formálnym a funkčným tvaroslovím. Na syntéze tvaroslovných a funkčných hľadísk je založená aj prezentácia slovných druhov. Značná pozornosť sa venuje realizácii gramatických kategórií substantív, adjektív a sloviess, deklinačným vlastnostiam zámen a čísloviek. Medzi neflektívne slovné druhy sú zaradené príslovky, predložky, spojky, častice a citoslovčia. Použité klasifikácie nevybočujú z viac-menej klasického ponímania slovných druhov.

Desiata kapitola prináša pohľad na používanie tvarov v texte a, ako podčiarkujú autorky, v centre záujmu sú len typologicky relevantné syntaktické javy. V značne zhustenom výklade sa k nim zaraďuje: používanie neurčitých javov na kondenzáciu textu, kongruencia medzi subjektom a predikátom, jednočlenné vety, elipsa, rozdiely v rekcii, slovosled, posesívnosť, pasívne konštrukcie, kvantifikátory, oslovenie a vykanie.

Predmetom samostatnej (jedenaštej) kapitoly je opis slovotvorby a rozdielnej lexiky. Derivatológia sa koncentruje najmä na adičné nominačné postupy, kým konjunkčné (kompozičné) a subtrakčné postupy sú prezentované značne kondenzovane. Deminutívne označenie súboru lexikálnych výrazov (slovníček) dobre odráža jeho fragmentárnosť a arbitrárnosť. Uvádza sa výber 165 najčastejších slovensko-poľských, resp. 166 poľsko-slovenských

rozdielnych výrazov a 152 interlingválnych homónym.

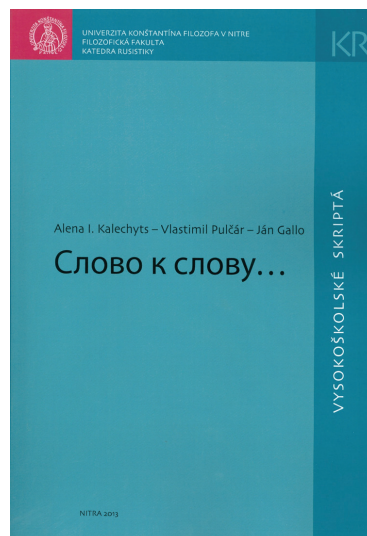
V záverečnej kapitole práca prináša výber slovenských a poľských textov.

Súčasťou cvičebnice je riešenie vybraných úloh z prvej až jedenástej lekcie, lingvisticky reprezentatívna literatúra (s. 329 – 336) a zoznam použitých skratiek a značiek.

Žiada sa zdôrazniť, že vysokoškolské učebné texty *Slovenčina a poľština. Synchronne porovnanie s cvičeniami* sú napriek svojmu pedagogickému určeniu syntetickým teoretickým spracovaním jazykových systémov súčasnej slovenčiny a poľštiny. Práca je výsledkom viacročného výskumného úsilia autoriek, mnohé výklady sú založené na koncepciách publikovaných Miloslavou Sokolovou. Napriek niektorým otvoreným otázkam autorky vo svojej publikácii podali plastický a recepcne prijateľný obraz o hláskových, gramatických a lexikálnych zhodách a rozdieloch dvoch geneticky príbuzných jazykov – slovenčiny a poľštiny.

Jana Sokolová

КАЛЕЧИЦ, А. И. – ПУЛЧАР, В. – ГАЛЛО, Я.: *Слово к слову... Тексты для чтения: Методическое пособие для преподавателей и студентов*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2013. 128 s. ISBN 978-80-558-0539-9.

Jednou z najnovších publikácií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre sú vysokoškolské skriptá *Slovo k slovu...*, ktoré vznikli na tejto katedre v rámci projektu KEGA 018UKF-4/2012 pod názvom *Ruský jazyk v interkultúrnej a obchodnej komunikácii. Teoretické východiská a vypracovanie učebných textov na ťažiskové predmety nového študijného programu*. Autormi publikácie sú doc. Alena I. Kalechyts, CSc. (v súčasnosti pôsobí na katedre ako lektorka bieloruského jazyka), Mgr. Vlastimil Pulčár, PhD., a doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.

Vysokoškolské skriptá môžu využívať študenti pod odborným vedením pedagógov už od roku 2013, keď boli publikované. Metodická príručka obsahuje pätnásť tém zameraných nielen na rozvíjanie slovnej zásoby, ale v prvom rade na prácu s textom

a komunikáciu v ruskom jazyku, pretože texty a práca s nimi sú neoddeliteľnou súčasťou pri výučbe cudzieho jazyka a podľa autorov „именно через текст реализуются все цели обучения – коммуникативная, образовательная и воспитательная“ (s. 7). Prostredníctvom práce s textom sa rozvíja slovná zásoba, zlepšuje sa kvalita hovorenia v cudzom jazyku a splňajú sa všetky ciele výučby: komunikačný, vzdelávací, rozvoj myslenia a výslovnosti v cudzom jazyku.

Vysokoškolské skriptá *Slovo k slovu...* sú didakticky riešené tak, že postupujú od základnej úrovne znalosti ruského jazyka k pokročilej. Témy sa začínajú od najjednoduchších a človeku najpriradenejších (*Domov a rodina, Človek, Móda a obliekanie, Vzdelanie, Turizmus, Kultúra, Šport, Zdravie, Príroda, Mesto*), postupne sa prechádza k zložitejším témam,

vyžadujúcim si lepšiu úroveň znalosti jazyka, slovnej zásoby a schopnosti porozumieť textu: *Doprava, Obchod a financie, Medzinárodné vzťahy, Práca a sociálne vzťahy, Štát*.

Každá téma pozostáva z časti určenej na prípravu na čítanie, štyroch textov rôznej náročnosti, pričom sa podľa didaktických zásad začína vždy s najľahším typom textu. V snahe zachovať aktuálnosť, ale najmä zaujímavosť textov pre študentov autori čerpali texty z rôznych časopisov, novín, slovníkov, zborníkov, umeleckej literatúry, ale najmä (čo je dnes študentom najbližšie) z internetu.

Každá téma obsahuje v úvodnej časti krátky výkladový slovník so slovnou zásobou a ustálenými slovnými spojeniami, ktoré budú v texte použité; za prečítaným textom nasledujú cvičenia vo forme otázok ku konkrétnym textom zamerané na pochopenie textu a rozvíjanie komunikačných kompetencií. Podľa odporúčaní autorov „могут они выполняться индивидуально или коллективно, устно или письменно“ (s. 8). Práca s otázkami motivuje študentov k práci so slovníkmi rôznych typov a zároveň podporí ich samostatnosť.

Texty pri prvých štyroch témach (*Domov a rodina, Človek, Móda a obliekanie, a Vzdelanie*) a od piatej témy vždy prvý text prihliadajú na začiatočnú úroveň, a to tak, že okrem menšej lexikálnej a gramatickej náročnosti graficky označujú prízvučnú slabiku každého slova, čo pomáha

rozvíjať fonetické znalosti a správnu výslovnosť študentov.

Autori vytvorili učebný text, ktorý si nájde svojho cieľového príjemcu – študenta bakalárskeho stupňa štúdia na slovenských univerzitách, ktorému je táto metodická príručka aj primárne určená.

Okrem uvedených vysokoškolských skrípt Katedra rusistiky FF UKF v roku 2013 publikovala i monografiu *Človek – jazyk – diskurz* (Sokolová, J. – Korina, N.), vysokoškolské učebné texty *Paradigmatika ruského jazyka* (Sokolová, J.), *Morfológia bieloruského jazyka* (Kalechyts, A. – Korina, N.), v spolupráci s Prešovskou univerzitou boli vydané tri vysokoškolské učebnice: *Didaktika ruštiny I, Didaktika ruštiny II a Vvedenie v didaktiku ruského jazyka i mežkulturnuju komunikaciju* (autormi všetkých troch publikácií sú A. Petriková, T. Kuprina a didaktik Katedry rusistiky FF UKF v Nitre doc. PaedDr. J. Gallo, PhD.). V tom istom roku katedra publikovala aj zborník príspevkov doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov zo slovenských i zahraničných univerzít pod názvom *ROSSICA IUVENUM 2013*, ktorý je zameraný na deskripcie a lingvistické analýzy vybraných javov v texte a diskurze.

Spomenuté publikácie svedčia o vedeckom i tvorivom potenciáli celej Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre.

Zuzana Vargová
Viktória Haláková

MENNÝ REGISTER / INDEX OF NAMES

- Akker, R. van den 56
Alefirenko, N. F. 5 – 19
Alkidamant 21
Aksionova, O. 17
Anderson, M. C. 30, 31, 41, 43
Antokolskij, M. 34, 35
Aristoteles 7, 21, 28
Aruťunova, N. D. 17
Averčenko, A. 14
- Badiou, A. 56
Bahdanovič, A. 50
Bachtin, M. M. 5, 17
Bakst, L. 41
Barrymor, J. 41
Berkman, A. 33
Berľand, I. E. 17
Bial'kevič, J. 50
Bodenheim, M. 32
Bodenheim, S. 32
Bolm, A. 41
Bosschere, J. de 32, 43
Bredichin, S. N. 18
Briusov, V. 49
Bukireva, T. A. 18
Burn, W. B. 36, 37
Buzuk, P. 50
Byron, G. G. N. 35, 40
- Carroll, L. 9
Cervantes, S. M. de 37
Cicero 7, 21
Cikuševa, I. V. 19
Corbiere, T. 32
Crones, J. 30
- Čajkovskij, P. I. 6
Čechov, A. P. 13, 40
Čechová, M. 54 – 57
- David'an, K. A. 7
Davies, A. B. 32
Davison, A. 18
Dekatova, K. I. 10, 18
Démokritos 21, 28
Dionysios z Halikarnasu 21
Doroševič, V. M. 36
Dostojevskij, F. M. 35, 36, 37, 39, 40, 42, 43
Dragalina-Čornaja. E. G. 18
Dubovka, V. N. 49, 50, 51, 52, 53
Duse, E. 30
- Eliot, T. S. 31, 39, 40, 43
Eškenazi, A. 18
- Flaubert, G. 40
Fletcher, J. G. 31, 43
Freud, Z. 5, 19
- Galleani, L. 30
Gallo, J., 61, 62
Garden, M. 32
Gaudier-Brzeska, H. 32
Georgij 21
Geraschenko, O. M. 20 – 28
Gibson, M. 56
Goethe, J. W. 15, 34
Gogol', N. V. 35, 37
Goldman, E. 33, 42, 43
Gončarov, I. A. 16
Gorký, M. 35, 36, 37
Gourmont, R. de 32
Grabianka, G. I. 20, 22, 27
Gridina, T. A. 8, 9, 13, 14, 18
Grimes, J. 35, 44
- Haláková, V. 61 – 62
Harecký, M. 50
Heine, H. 8

- Henry, O. 40
Hérakleitos 21
Hérodotos 21
Horák, K. 56
Hueffer, F. M. 38, 39, 44
Huizinga, J. 5, 17, 19
- Charms, D. 9
Chlebnikov, V. 9
Chmeľnickij, B. 24, 26
Chomsky, N. 5
- Isokrates 21
Ivanov, I. 41
- James, H. 32, 40
Joyce, J. 31, 40, 44
- Kákošová, J. 56
Kalechyts, E. I. 46 – 48, 61, 62
Kaspiarovič, M. 50
Kašeta, Ju. V. 21, 22, 28
Kaun, A. S. 34, 35, 36, 42, 43, 44
Kirby, A. 56
Kiššová, M. 29 – 45
Kolas, J. (vlastným menom
Konštantín Mickevič) 50
Korina, N. 19, 46, 62
Korolenko, V. G. 35, 36
Košťuk, V. N. 18
Kručonych, A. 9
Kuhn, W. 32
Kulikovič, V. I. 49, 50, 52
Kupala, J. (vlastným menom Ivan
Lucevič) 50
Kuprin, A. I. 35
Kuprina, T. 62
Kysel'ová, M. 58
- Laforgue, J. 32
Lastovský, V. 50
Laurencin, M. 32
Lear, E. 9
Le Monier, J. H. 32, 44
- Lermontov, M. Ju. 34, 35
Lewis, W. 32, 33, 36, 40, 44
Liashuk, V. 49 – 53
Li Po 32, 44
Lipovetský, G. 56
Lotman, Ju. M. 6, 18
Ľosikov, A. 50
Ľosikov, J. 50
- Marr, N. Ja. 51
Martinez, R. A. 32, 44
Mealon, J. 56
Minskij, M. 18
Miroslawska, W. 58
- Nekraševič, S. 50
Nietzsche, F. 30, 34
Norris, F. 40
- Panasenko, L. O. 28
Pascin, J. 32
Petříková, A. 62
Pound, E. 31, 32, 39, 40, 43, 44
Prokofiev, S. 41
Pulčár, V. 61
Purdon, A. 33
Prutkov, K. 9
Puškin, A. S. 6
- Quintilianus 7, 21
- Revzina, O. G. 21, 28
Rimbaud, A. 32
Rodker, J. 40, 44
Rousseau, J. J. 7
Russell, B. 8
- Sanders, M. 42
Sannikov, V. Z. 18
Sarole, Ch. 42
Segonzac, A. D. 32
Severianin, I. 9
Shakespeare, W. 6, 37, 38
Shaw, G. B. 30, 37

- Shelley, P. B. 37
Schevill, F. 42
Schopenhauer, A. 8
Smotrickij, M. 22
Sokoloff, N. 41
Sokolová, J. 19, 46, 58 – 60, 62
Sokolová, M. 58, 60
Sokrates 21
Soloviov, E. 36
Spire, A. 32, 44
Sterne, L. 37
Stevens, W. 31, 44
Stravinský, I. 41
Symons, A. 32, 44
Szukalszki, S. 32
- Šaternik, M. 50
- Taraškevič, B. 50
Tolstoj, L. N. 37, 41
Tarmejeva, V. D. 19
Trošina, N. N. 19
Turgenev, I. S. 37, 40
- Uchtomskij, A. A. 10, 11, 19
Uličiansky, J. 56
Ušakov, D. N. 47, 48
- Vargová, Z. 61 – 62
Veblen, T. 42
Vermeulen, T. 56
Vojteková, M. 58
Volk-Levanovič, I. 50
- Wadsworth, E. 32
Weber, M. 32
Weininger, O. 39
Wierzbicka, A. 5, 18, 21, 22
Williams, W. C. 31, 32, 44
Wittgenstein, L. 5, 6, 18
- Yeats, W. B. 31, 32, 44
- Zemskaja, Je. A. 9
- Žilková, M. 54, 55, 56, 57
Žuravl'ova, O. V. 18

AUTORI ČÍSLA

prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc.

Belgorodská štátna národná výskumná univerzita v Belgorode (RF)

n-alefirenko@rambler.ru

PhDr. Mariana Čechová, PhD.

Ústav literárnej a umeleckej komunikácie Filozofickej fakulty

Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

mcechova@ukf.sk

doc. Olga Geraschenko, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty

Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

ogeraschenko@ukf.sk

Mgr. Viktória Haláková

doktorandka v študijnom odbore 2.1.28 slovanské jazyky a literatúry na UKF v Nitre (SR)

viktoria.halakova@ukf.sk

doc. Alena Kalechyts, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty

Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

akalechyts@ukf.sk

PhDr. Mária Kiššová, PhD.

Katedra anglistiky a amerikanistiky Filozofickej fakulty

Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

mkissova@ukf.sk

doc. Viktoria Liashuk, CSc.

Ústav rusko-slovenských kultúrnych štúdií Pedagogickej fakulty

Katolíckej univerzity v Ružomberku (SR)

vmlasuk@yandex.by

prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty

Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

jsokolova@ukf.sk

Mgr. Zuzana Vargová

doktorandka v študijnom odbore 2.1.28 slovanské jazyky a literatúry na UKF v Nitre (SR)

zuzana.vargova@ukf.sk